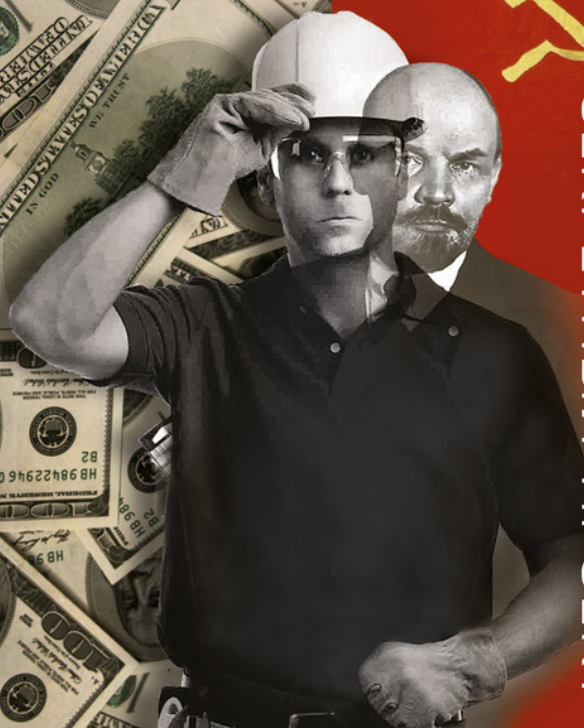

Игорь Харичев

НОМО-COMMY

ИЛИ

СЕКРЕТНЫЙ ПРОЕКТ

Игорь Александрович Харичев

Ното сотту, или

Секретный проект

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24001809

*Ното-сотту или Секретный проект: Роман / Харичев И. – Москва.:
Союз писателей Москвы, Изд-во Academia, ИЦ «Вест-Консалтинг»
-2017, – 304 с.: Союз писателей Москвы, Изд-во Academia, ИЦ «Вест-
Консалтинг»; Москва; 2017
ISBN 978-5-91865-430-9*

Аннотация

Это роман о современной России. Основное действие разворачивается в провинциальном городе на фоне кампании по выборам депутатов Государственной Думы. Один из двух главных героев, преуспевающий московский политтехнолог, работает на кандидата – богатого бизнесмена, близкого к криминальному миру. Чтобы гарантировать ему победу, политтехнолог придумывает хитрый ход, вовлекая в качестве подставного игрока малоизвестного начальника цеха местного завода, коммуниста-ортодокса. Но авантюра заканчивается не так безобидно, как на то рассчитывал политтехнолог: начальник цеха в непривычных условиях проявляет себя как яркая личность и быстро становится лидером предвыборной гонки. Он уже видит себя депутатом Государственной Думы, когда политтехнолог

требует от него сняться с выборов. Все заканчивается весьма драматично.

Содержание

1	6
2	9
3	13
4	20
5	32
6	39
7	45
8	51
9	55
10	57
11	65
12	71
13	85
14	94
15	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Игорь Харичев

Ното-сотту или

Секретный проект

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

1

За окном притулился унылый сентябрьский вечер. Люди занимались обычными житейскими делами – выпивали, ругались, неумолимо смотрели телевизор, гуляли на свежем воздухе, делали покупки. Не все могли позволить себе расслабиться. В одном весьма добротном помещении, втиснутом в солидное здание, расположенное в центре не столь далекого от Москвы города, проходил крайне важный разговор. Присутствовало четверо, в строгих костюмах, при галстуках. Они расположились в удобных кожаных креслах с мягкими подлокотниками. Выступал самый молодой из них, спортивного вида, невысокий, бойкий, с короткой стрижкой и быстрыми, черными глазами – у него единственного ворот рубашки не был застегнут, и галстук небрежно охватывал шею. Бархатистый голос звучал напористо:

– Коммунисты – наши главные соперники. Все остальные шансов не имеют. И Демин – тоже. А Квасов имеет. – Григорий, так звали молодого человека, умело выдержал паузу. – Дело не в Квасове. Скучный, заурядный человек. Толстый до безобразия, говорить не умеет. Дело в избирателях. Сторонники КПРФ проголосуют за того, на кого укажет партия. Так что шансы у Квасова предпочтительные. Однако, есть проект, призванный поставить нашему главному конкуренту подножку, отнять у Квасова достаточно большое чис-

ло голосов. А значит, всерьез повысится ваш шанс. – Учтывый жест был адресован занимавшему кресло напротив мужчине. – Замысел такой: находим человека, который, будучи ярким коммунистом, ругает их. За то, что зажрались, забыли про Ленина и так далее. Этакий homo-commu. Вытаскиваем его на выборы, даем трибуну. Ему поверят. Он – коммунист, а не какой-нибудь богатенький демократ. Имеет право на критику.

Мужчина, сидевший перед Григорием, непомерно массивный, с тяжелым подбородком, не менее тяжелым взглядом и демонстративно пренебрежительным выражением на лице, лениво поинтересовался:

– И где взять такого?

– Есть на примете подходящая кандидатура. Начальник цеха металлолома на одном из местных заводов. Кузьмин. Коммунист, но при этом ругает Зюганова, партийную верхушку, здешних коммунистических начальников. Именно такой нам нужен.

– Ты откуда знаешь?

– Успел выяснить.

– Всё ты успеваешь... – Явное одобрение звучало в начальственном голосе. – Ну так поговори с ним.

– Проблема не в том, чтобы поговорить.

– А в чем?

– Деньги. Проект стоит минимум сто пятьдесят тысяч зеленых. Лучше – сто семьдесят. А еще лучше – двести. Ре-

зультат будет выше.

Мыслительная работа вызвала паузу, которая закончилась спокойным, уверенным кивком самой важной в помещении головы, а следом прозвучало:

– Дам.

– Сколько?

– Сто.

– Мало. Минимум сто пятьдесят. Лучше сто семьдесят.

– Сто двадцать. И покажи смету.

Григорий состроил кислую физиономию – к чему лишняя работа?

– Ладно. Завтра. Но вы учтите: говорить об этом проекте никому не стоит. Иначе всё сорвется. И даже по нам ударит.

– Не дурак. Понимаю... Виски будешь? – Григорий кивнул. Самая важная голова повернулась к сидевшему рядом человеку, доселе не проронившему ни звука. – Давай, обеспечь нам вискаря...

2

Любовью они занимались в складском помещении. В конце рабочего дня, когда исчезали немногочисленные рабочие. В углу стоял топчан, укрытый старым матрасом. На нем все и происходило. Потом, когда лежали, – он на спине, а она, прижавшись к нему, положив голову на его руку, – говорили о жизни, о том, что происходит в городе, в стране. Он частенько повторял: «Валентина, ты умная. И ход мыслей у тебя правильный». Так он сказал и в этот раз.

– Валентина, ты умная. И ход мыслей у тебя правильный. – А потом продолжил. – Надо тебе в Государственную Думу идти. Будешь простых людей защищать. Народ тебя узнает. И полюбит.

– Зачем мне народ? Главное, чтобы ты любил.

– Я-то люблю. А если еще народ полюбит, разве плохо?

Она кивнула в знак согласия. Чтобы не спорить с ним. Хочется ему в это верить, пусть верит. Она любила его, и ей было приятно, что он думает о том, как сделать ее знаменитой. Но сама идея не захватила ее. Москва, депутаты в дорогих одеждах с холеными физиономиями – все это казалось нереальным, невозможным, существующим только в телевизоре. Чтобы показать в новостях и вновь спрятать до следующего вечера.

Он был красив – стройный, худощавый, решительный.

Черные волосы, хотя недавно разменял пятый десяток. Она была моложе на двадцать два года, но это не мешало ни ей, ни ему.

Как он говорил! Красиво, убежденно. Она обожала слушать его.

– Коммунизм воплощает в себе идеалы, о которых испокон веку мечтало человечество: справедливость, равенство, заботу о людях. Не получилось все это осуществить в Советском Союзе. Безмерно жаль, но не вышло. Только ты пойми, опыт СССР вовсе не доказывает, что коммунизм невозможен. Между прочим, все то положительное, что есть в западных странах, ну... мощные социальные гарантии, сильные профсоюзы, все это появилось только благодаря СССР. Потому что испугались, поняли, что этим нельзя пренебрегать...

Она могла слушать его часами. Она чувствовала – все, что он говорит, правда. Вот она, простой кладовщик. Зарплата небольшая, так ведь и ту постоянно задерживают. Говорят, денег нет. А директор новую «Ауди» себе купил и разъезжает. Такого она понять не могла. Был у нее муж, три года вместе прожили. Пил, но в меру. Деньги домой приносил. А потом ушел к другой. Ни с того, ни с сего. И что теперь? А на ней еще мама, которая ходит с трудом и у которой пенсия просто смешная.

Она верила ему. Он казался надежным, знающим, очень умным. непохожим на других. По крайней мере, в том горо-

де, где они жили.

Их город был не столь уж маленьким – четверть миллиона жителей. А сколько заводов. И каких! Работавших на оборону. Прежде, в советские времена, город снабжали по московским стандартам. Почтище областной столицы. К ним за продуктами и товарами приезжали со всей округи. Им завидовали. А они посматривали на приезжих свысока и немного ревниво – сколько можно жить за их счет?.. Все это зацепилось за прошлое, там и осталось. Теперь на огромных заводах едва теплилась жизнь, рабочие, инженеры, технологи получали нищенские деньги. Будущее казалось бесполезным, напрочь лишенным надежды.

– Толя, – прозвучало в тишине склада. – Скажи, а ты ее совсем разлюбил?

– Кого? – спокойно поинтересовался он.

– Лену.

Пять лет назад от него ушла жена. Поначалу он переживал – неприятно, когда бросают тебя. Да и неохота менять устоявшийся уклад жизни. Потом успокоился. Приноровился. Нашел выгоды в новом положении. Что ему продолжало мешать – соседство с бывшей женой. Она проживала с новым супругом в одной из комнат их квартиры. А в другой обитал он с сыном. Конфликтов между ним и новым супругом не было – они даже выпивали порой. А вот Елена... Как все-таки меняются отношения между людьми. Шестнадцать лет назад он боготворил эту женщину. Мир казался удиви-

тельным, невероятно волнение теснило грудь, когда он был с ней. И Елена светилась радостью, охотно принимала его ухаживания. А теперь? Она презирает его. Он – нет. В нем не было презрения. Как и ненависти. Но и любви не осталось ни капельки. Чужой человек, совсем чужой, хотя у них осталось то, что объединяет – сын.

– Совсем разлюбил. – Слова упали равнодушно, как осенние листья в безветренную погоду.

– И тебе с ней... не хочется?

– Нет. Не хочется.

Безмятежное спокойствие обволакивало его. Он еще не знал, что судьба в лице одного человека уготовила ему испытание. Что его жизнь круто переменится в ближайшее время.

3

Новый день сменил прежний. Так заведено испокон веку, дабы человек не забывал о ходе времени. Отчего-то принято считать, что новый день приносит новые заботы. Но так бывает не всегда. В этом случае приходится жить старыми.

Работы на заводе почти не было. Так что и в цехе металлолома не требовались трудовые подвиги. Анатолий Николаевич просматривал местную газету. Последний год он покупал только это бойкое издание. Оно стоило дешевле центральных газет. Дома он смотрел выпуски новостей – ему хотелось знать, что происходит в стране и в мире. Обо всем он имел свое мнение, которое не навязывал другим, но при случае высказывал.

Звонок прозвучал неожиданно, разлетелся в кубатуре небольшого кабинета. Анатолий Николаевич произвел необходимое действие. Трубка прикоснулась к уху.

– Меня зовут Юрий Иванович, – прозвучал из нее вполне приятный мужской голос. – Мы не знакомы. Мне с вами необходимо поговорить. У меня к вам предложение. Весьма серьезное.

– Какое?

– Не по телефону. Давайте встретимся после работы. Скажем, в «Макдональдсе». Знаете, где это?

– Знаю. – Он лихорадочно решал, соглашаться или нет?

Во что его хотят втянуть? Чувство опасности захлестнуло его. А потом он подумал: пусть. Что, в конце концов, ему сделают, если он отвергнет сомнительное предложение? – Во сколько?

– В семь.

– Как я вас узнаю?

– Я к вам подойду.

Что этот звонок повлечет за собой? Во благо ему то, что последует? Или во вред? Беспокойство не покидало Анатолия Николаевича, тревожило нутро. Сомнения вились назойливой стайкой. Но он решил: пойдет на встречу.

Разумеется, он знал, где находится единственный в городе «Макдональдс», рассадник американских нравов. Сам туда не ходил. Но его сын, которому было пятнадцать, бывал там, и не один раз. Копил деньги, чтобы сходить, поесть эти гамбургеры, чизбургеры и прочую дрянь. Что в них такого привлекательного? Чем они лучше нормальной русской еды? Анатолий Николаевич не одобрял пристрастий отпрыска, но и отрывать его от друзей не считал возможным.

Строго в означенное время Анатолий Николаевич прибыл к «Макдональдсу». Как трудно было сдерживать волнение. Он стоял у входа, оглядывая всех, кто приближался к зданию. Он хотел вычислить того, кто пожелал встретиться с ним. И не вычислил.

Молодой мужчина лет тридцати, невысокий, плотный, стремительно появился откуда-то сбоку. Прозвучало:

– Анатолий Николаевич? – Лицо умное, интеллигентное. Такие лица были у инженеров из конструкторского бюро, которые все поразбежались.

– Да.

– Это я вам звонил. Давайте зайдем. – Палец указывал туда, где американское влияние было самым сильным. – Посидим, перекусим. Заодно и поговорим.

Дверь пропустила их внутрь, в пространство, где красиво горели вывески, рекламные щиты, где сидели за столами веселые люди.

– Что будете?

Анатолий Николаевич растерялся – цены о-го-го! Он будто споткнулся.

– Я не слишком уважаю американскую еду...

– Я заплачу.

Это был другой разговор. Ему хотелось попробовать то, что скрывалось за многими названиями. Анатолий Николаевич стеснялся, и потому произносил названия с большой паузой.

Он зачарованно смотрел, как разноцветные свертки заполняют поднос. Позже настал благословенный миг, когда он раздел первый бутерброд, влекомый соблазнительным запахом, вонзил в него зубы. Вкус не разочаровал его. Вот американцы. Сволочи! Могут. Вслед за первым настал черед второго, потом третьего бутерброда, потом обжаренных кусочков курицы.

Григорий терпеливо ждал, когда он остановится. Анатолий Николаевич и сам почувствовал, что слишком увлекся. Пожадничал. Смущенно глянул на человека, сидевшего рядом. Тот заговорил бойким, уверенным голосом:

– Дело такое. Хотим предложить вам принять участие в выборах. Побороться за место депутата Государственной Думы.

– Мне?!

– Да, вам.

Предложение было так неожиданно, так странно.

– Почему... мне?

– Мы за то, чтобы на выборы пошел честный коммунист, не замаравший светлого звания. Сейчас много тех, кто называет себя коммунистом, не имея на это морального права. Поэтому важно, чтобы в политику пошли настоящие последователи Маркса и Ленина. Вы, Анатолий Николаевич, именно такой.

– Откуда вы знаете? – сдавленным голосом поинтересовался Кузьмин.

– Знаем. Вы – достаточно известный человек в городе.

Это было приятно слышать. Но Анатолия Николаевича занимало другое – он не понимал, как быть дальше. Соглашаться? Или нет? Потом возникло беспокойство. Не хотят ли его обмануть? Следовало выяснить побольше.

– А кто это – вы?

– Заинтересованные лица, – небрежно ответил Григорий.

– Но это... достойные люди? – Анатолий Николаевич смотрел на собеседника с надеждой.

– Разумеется.

Он должен был докопаться до истины. Потому и прозвучало:

– А все-таки, почему вам нужно, чтобы я пошел на выборы?

Он видел абсолютно спокойные, чуть насмешливые глаза.

– Мы не хотим, чтобы депутатом стал Квасов.

В это можно было поверить. Тогда возник другой вопрос:

– Думаете, у меня получится?

– Вне всяких сомнений. Можете мне поверить.

Он судорожно соображал, как поступить?

– Я не собирался... Не думал об этом... Не знаю... И деньги нужны.

– Мы дадим вам деньги. На предвыборную кампанию. И помимо того. – Собеседник выдержал паузу. – Гонорар. Для моральной поддержки.

Это звучало восхитительно.

– Сколько?

– Что?

– Гонорар, – осторожно произнес он столь непривычное для него слово.

– Пять тысяч.

– Рублей?

– Да. Но таких... – его собеседник, лукаво улыбаясь, сде-

лал неопределенное движение рукой, – зеленых. Американских.

Пять тысяч долларов?! От подобной суммы, которая могла стать его, поплыли мозги. Пять тысяч. Но хватило ума не сказать: «Я согласен». Стоило выдержать марку.

– Я должен подумать, – корявым голосом выговорил он.

– Конечно. Завтра вы сможете дать ответ?

– Да. Постараюсь... Забыл, как вас зовут.

– Юрий Иванович.

– Завтра я дам ответ.

Как много мыслей теснилось в голове. И какие разные чувства.

«Кто они такие? – спрашивал он себя, направляясь домой. – Чего хотят на самом деле? Почему им так мешает Квасов? Он, конечно, сволочь. Богатей, маскирующийся под коммуниста. Но именно такие руководят сейчас компартией... За чужие деньги? Пусть за чужие. Какая разница? Я могу принести пользу. Трудящимся. Депутату легче отстоять свою правоту. С депутатом все вынуждены считаться... А если это грязные деньги?.. Даже если так, на них можно сделать много полезного».

Была у него в душе давняя заноза. Угнетало то, что приходится жить в одной квартире с бывшей женой. Далекое не лучшее соседство. Кроме того, Анатолий Николаевич не мог оформить отношения с Валентиной. У него комната на двоих с сыном, у нее – с матерью. Куда деться?

Теплый воздух заполнял улицы. Сентябрь не спешил изгонять лето. Радуюсь хорошей погоде, горожане прогуливали жен и собак; увлеченные игрой, азартно бегали дети. Мир казался устроенным разумно.

«Как мне быть? – продолжал он внутренний монолог. – Отказаться? Зачем? Надо попробовать. В случае чего – откажусь. Надо попробовать...»

Ему хотелось посоветоваться. Но с кем? Кому он мог рассказать про пять тысяч и про все остальное? Приятелю Сергею? Нельзя. Такие деньги. Сыну? Рано ему знать про это. Валентине? Даже ей не стоило говорить.

Глубокие размышление приводили его в заторможенное состояние. Он столкнулся с женщиной, выбив у нее пакет с продуктами, вышел на проезжую часть перед легковым автомобилем, за что удостоился россыпи крепких слов. Дома последовал вопрос Николаши, сына:

– Папа, ты чего?

– Понимаешь, есть проблема, – задумчиво пробормотал Анатолий Николаевич. – Крайне серьезная. Надо ее решить. Надо...

Отпрыск посмотрел на него с сомнением.

Глубокие размышления возобновились утром. Рабочий кабинет превратился в центр поиска трудных решений. Постепенно возникла мысль – а почему пять? Почему не семь? Или даже десять? В конце концов, участие в выборах – серьезное дело. А не пустить в Думу Квасова, зажавшегося пройдоху, который маскируется под коммуниста, можно сказать, государственная задача. Мысль понравилась.

«Не стану корячиться за пять тысяч», – заявил самому себе Анатолий Николаевич. Дух захватило от перспективы.

Новая встреча произошла там же. Вновь Григорий показал внутрь «Макдональдса». Анатолий Николаевич вошел без колебаний. У прилавка повторил вчерашний заказ. Ему хотелось закрепить представление о быстрой американской пище.

В очередной раз вкус не разочаровал его. Он получал не меньшее удовольствие, чем вчера, но не позволил себе чересчур увлечься приятным процессом. Григорий смотрел выжидающе.

– Я согласен, – как бы между прочим сообщил Анатолий Николаевич. – Только не пять, а десять тысяч.

Как зорко он следил за реакцией Григория, которого воспринимал как Юрия Ивановича. Страшно было спугнуть. А попутно свербела другая мысль: не продешевил? Какими

долгими были размышления Григория. Прошли годы, пока не раздался низкий голос:

– Хорошо. Я договорюсь. Десять.

Теперь Анатолий Николаевич был уверен – продешевил.

– А если пятнадцать?.. Двенадцать.

– Двенадцать? – Григорий как бы пощупал это сочетание цифр. И качнул вяло головой из стороны в сторону. – На столько не согласятся.

Надо было что-то сказать. Объяснить.

– Поймите, я не могу больше с ней жить. Мне надо купить квартиру. Десять не хватит.

– С кем не можете жить?

– С бывшей женой.

– Понимаю. Но двенадцать – много. Десять. Здесь за такие деньги можно найти приличную квартиру. Это не Москва. Десять.

– Хорошо. – Смущение крутилось на худощавом лице. – Я согласен. Десять... А вы дадите аванс?

– Я поговорю.

Анатолий Николаевич помолчал. Главная проблема была решена. И тут он понял – он не знает, что делать дальше?

– А с чего начинать? – растерянность наполняла его слова. – Я никогда... не пробовал...

Его собеседника это ничуть не смутило.

– Ничего страшного. Я вам помогу. Для начала надо сходить в избирательную комиссию, подать заявление о само-

выдвижении. Потом внести залог. Собирайте друзей, знакомых, просите, чтобы они за вас агитировали, ходили на встречи, клеили плакаты, листовки. Пусть помогут. Заодно подзаработают. Всё за деньги. Каждый труд должен быть оплачен... На работе возьмете отпуск. За свой счет.

Анатолий Николаевич перепугался.

– Может, без отпуска?

– А на встречи когда будете ездить? На выступления? В свободное от работы время? Не смешите меня. Свободного времени у вас вообще не останется... Не дергайтесь. Отпуск предусмотрен законом. И потом, сдался вам этот цех. Депутатом станете, в Государственной Думе кабинет получите. Служебную квартиру в Москве. На машине вас будут возить. За границу придется ездить. Были за границей?

– Нет... – И тут же поправился. – В Германии был. В ГДР. В Группе советских войск. Под Лейпцигом в части сидел.

– Разве это заграница? Не смешите. Ничего, побываете. Но для этого придется вкалывать. С утра до вечера. – Григорий положил перед ним несколько листов бумаги. – Вот план действий на ближайший месяц. Если мы работаем вместе, я хотел бы, чтобы всё, записанное здесь, – чистенький палец уперся в листок, – выполнялось в срок и до последней буквы.

Анатолий Николаевич энергично затряс головой в знак согласия. Потом он шел домой, пребывая при этом в озадаченном состоянии. Жизнь совершила немислимый вираж,

вылетела из привычной колеи. Он вдруг понял, что ему предстоит поменять способ своего существования. Чересчур много обязательного появлялось в его жизни. Это пугало. И притягивало. Хотя, пожалуй, больше пугало.

Григорий двигался в ином направлении. Настроение у него тоже было иное, чем у Анатолия Николаевича. Искрящийся задор наполнял его.

«Антипиар начался, – весело размышлял он. – Ответ Квасову. Красный ответ. Проект «КОК». Позабавимся».

Через несколько минут солидное здание впустило его в свое нутро. Дюжий охранник весомо кивнул, признавая его право на проход. Лестница привела на третий этаж. В солидном помещении его ждали. Начался важный разговор. Григорий чувствовал себя легко, уверенно.

– Кузьмин согласился. Завтра пойдет в избирательную комиссию. Таким образом, проект «КОК» стартовал.

– Что за Кок?

– Красный ответ Квасову.

– Ответ... Уверен, что поможет? – сколь острым, въедливым был взгляд самых важных глаз.

– Уверен.

– Хорошо... Надо отметить. – Самая важная голова обернулась к сидевшему рядом человеку. – Возьми там виски...

– И вновь глаза на Григория. – А как ты собираешься с ним общаться? Он тебя не вычислит?

– Куплю два мобильных телефона. Один ему, другой мне.

Он будет знать номер только этого телефона. После выборов избавлюсь от симкарты. Кроме того, я ему представился как Юрий Иванович. То, что я из Москвы, разумеется, не говорил. Так что никаких концов.

– Хорошо...

Часть содержимого бутылки перешло в четыре изящных стаканчика. Руки подняли их над столом.

– За успех.

Ополоснув горло, виски направилось в желудки, дабы совершить там необходимое действие, столь ценимое людьми.

– А как наши дела?

– Нормально. Поводов для беспокойства нет.

– Не финтишь? – Пара глаз вновь смотрела на Григория въедливо, изучающе.

Выдержав нужную паузу, он абсолютно спокойно проговорил:

– Я клиентов не кидаю. Мне мое имя дорого.

– Ну, тогда еще по одной. За наши успехи.

Бутылка поделилась другой частью своего содержимого, произведенного в далекой Шотландии, где из ячменя умеют делать не только пиво и кашу. Благородная жидкость в очередной раз произвела достойное действие на глотки.

– По третьей сам Бог велел, – вновь прозвучал самый важный в помещении голос. – За прекрасных дам. В смысле, чтоб давали почаще. – Каким жизнеутверждающим был высокий смех.

Бутылка не стала скупиться, отдала остатки содержимого. Третья порция была дружно поглощена присутствующими глотками.

– Все. Пора отдыхать. До завтра.

Оставшись в одиночестве, Григорий отправился на второй этаж. Здесь в большой светлой комнате работало с два десятка человек. Одни проверяли подписные листы, другие готовили письма избирателям, третьи раскладывали агитационные материалы. Штаб действовал.

Внимание было продемонстрировано каждому. А попутно – осуществлен контроль. Ничего нельзя пускать на самотек – этого принципа Григорий придерживался неукоснительно.

Через час люди отправились по домам. Остались только Григорий и худенькая, голубоглазая секретарша Оля. Она выглядела вконец усталой.

– Может быть, выпьем? – предложил Григорий.

– Я не против. Где?

– Зайдем ко мне. Я тут недалеко живу.

– А есть, что выпить?

– Купим.

– Ну... если ненадолго.

Большая комната осиротела, погрузилась в темноту. Предвыборные хлопоты замерли на столах.

Небольшой, но бойкий магазинчик снабдил их всем необходимым, забрав при этом некоторую сумму денег из доб-

ротного кошелька Григория, сработанного известной западной фирмой. Он не любил дешевых вещей.

Вскоре они выпивали в солидной двухкомнатной квартире, которую он снимал. Сам он сидел на стуле, Ольга – напротив, на диване, куда он ее определил. Телевизор создавал необходимый фон, показывая очередной американский фильм, что-то на редкость приличное, без мордобоя и примитивных злодеев.

Выпили по одной, потом еще. И еще. Жизнь обретала более мягкие краски. Проявились желания, которые прежде лишь угадывались. Григорий пересел к Ольге, обнял.

– Григорий Матвеевич, не надо.

– Надо. Перестань ломаться.

– Григорий Матвеевич...

Он принялся целовать ее, потом начал раздевать. Поначалу она вяло сопротивлялась, потом уступила.

Он сделал то, что ему хотелось, не слишком заботясь о ней. Потом они лежали рядом.

– Ты чего такая скучная? – спросил Григорий.

– А чему радоваться?

– Жизни... Что твой бывший муж?

– Не знаю.

– Вы не встречаетесь?

– Я не хочу его видеть.

– А мужик тебе не нужен?

Она помолчала. Потом раздалось:

- Я замуж хочу.
- Хоти, – позволил Григорий.
- Все как-то не получается...
- Главное – стараться.
- А вы почему не женаты?
- Два раза был женат. Хватит.

Он предпринял новую атаку, успешную для него. После этого она принялась одеваться.

- Ты чего?
- Мне пора домой.
- Оставайся до утра.
- Не могу. Мама ждет.
- Ты что, маленькая?
- Она за меня волнуется.

Григорий достал бумажник, выудил оттуда пятисотрублевую купюру.

- Поймай машину. Время позднее. Не рискуй.

На следующий день Анатолий Николаевич предпринял поход в здание городской администрации – там располагалась избирательная комиссия. Самое официальное здание в городе встретило его неприветливо. Милиционер уколол вопросом: куда? Лифт не работал. Пришлось идти на четвертый этаж пешком.

За дверью с вывеской «Секретарь избирательной комиссии» обнаружилась немолодая скучная женщина с нездоровым бледным лицом. Появление Анатолия Николаевича бы-

ло замечено.

– Вам чего?

– Я в депутаты хочу пойти.

– И что?

– Самовыдвигаться пришел.

– Мало ли, кто что хочет... – Неодобрение отражалось на ее сухоньком лице. – Пишите заявление. Вон там образец.

Как он мучился. Давным-давно Анатолий Николаевич ничего не писал, кроме стандартных отчетов. А тут – столь важный документ. Дважды начинал и ошибался. Волнение мешало ему. Наконец заявление было готово. Начальственный стол приблизился к Анатолию Николаевичу. Листок опустился на него.

– Посмотрите, пожалуйста.

– Меня зовут Светлана Игнатьевна. – Она говорила как строгая учительница. Цепкий взгляд пробежал по строчкам. – Все нормально. Давайте паспорт.

– Зачем? – испугался Анатолий Николаевич.

– Копию надо сделать, – ворчливо пояснила она.

Пребывание в начальственном здании утомило его. С какой радостью он, миновав зоркого милиционера, выпорхнул наружу, под серенький небосвод. И тотчас был встречен Юрием Ивановичем.

Выслушав эмоциональный отчет, Григорий достал из потертого, но весьма добротного портфеля мобильный телефон.

– Это вам. Чтобы я всегда мог вас найти. Не потеряйте.

– А кто платить будет? – с тревогой осведомился Анатолий Николаевич.

– На этот счет не беспокойтесь. Оплачено... Здесь в памяти всего один номер. Мой. Никому его не давайте. Буду нужен, звоните. Но по пустякам не дергайте.

Отягощенный строгими интонациями голос Юрия Ивановича напоминал голос той самой Светланы Игнатьевны, которой он совсем недавно сдавал заявление. Однако, телефон радовал глаз. И делал его, Анатолия Николаевича, солиднее. Как славно было сознавать, что эта недешевая вещь теперь подчиняется ему.

– Идемте, – весьма нетерпеливо проговорил Григорий.

– Куда?

– Вносить денежный залог.

Сберкасса приняла их, поставила в очередь. Анатолию Николаевичу пришлось заполнять квитанцию. Потом, когда настало время, большие деньги появились из кармана Григория, попали к Анатолию Николаевичу в руки. Но лишь для того, чтобы он тут же отдал их совсем несимпатичной девушке. А взамен получил убогий листок бумаги. Вот жалость.

Поход в новую жизнь закончился. По крайней мере, в этот день. Анатолий Николаевич был рад возможности вернуться на рабочее место. Он устал. Ему ничего не хотелось. И все-таки ощущение важности свершившегося не покидало его. Ему казалось, что он выглядит как-то особенно. Увы, подчи-

ненные не замечали происшедшей с ним перемены.

«Они еще узнают», – думал он, поглаживая лежащую в кармане тушку мобильного телефона.

Позже, когда он и Валентина после очередного соития лежали на топчане, он вдруг сообщил:

– На выборы пойду. По нашему округу.

– Зачем?

– Пользу хочу принести. Трудящимся. Что я здесь? Сама знаешь. Депутатом надо становиться. Депутату легче отстоять свою правоту. С депутатом все вынуждены считаться. – Помолчав, добавил. – Квасову хочу нос утереть.

– А деньги?

– Будут.

– Откуда?

– Есть люди, которые хотят помочь.

– С какой стати?

– Им надо, чтобы я пошел на выборы и победил Квасова.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы среагировать на его слова.

– Толя, он – Квасов. Его знают.

– Он – Квасов. А я – Кузьмин. Еще посмотрим, что лучше. – Он потянулся к пиджаку, висевшему на спинке стула. Пальцы нашли то, что веселило душу.

– Смотри. – Он протянул Валентине продукт финской инженерной мысли, весьма симпатичный на вид.

Эффект был вовсе не такой, на какой он рассчитывал. Ва-

лентина совсем не удивилась. Повертев телефон, сказала:

– Ты хорошенько подумай, стоит ли тебе ввязываться во всё это.

Слышать такое было обидно.

– Думаешь, я ничего не могу?

– Можешь. Я совсем о другом. Тебе не дадут победить.

Неужели ты не понимаешь?

Он молчал. Хмуро. Беспросветно.

– Я не хотела тебя расстраивать... – Она обняла его, поцеловала в щеку.

– Идем, – сказал он и потянулся за рубашкой.

– Куда?

– Увидишь.

Улица подставила им тротуар. Вечерний небосвод накрыл высоким куполом, по-доброму светлым, не грозящим дотошными осадками. Неспешное перемещение доставляло им удовольствие.

Валентина понравилась ему сразу, едва появилась у него в цехе. До этого на складе хозяйничала старенькая тетя Маша, глухая и ворчливая, а тут – молодая, интересная женщина, очень приветливая. Красота у нее была не такая броская, как у модных актрис, фотомоделей – спокойная, какая бывает у надежных русских женщин. Ему нравилось разговаривать с ней. Он искал повод, чтобы сходить на склад. Но долгое время не давал волю своим чувствам. Пока не наступил Новый год. Они отмечали его в цехе. Подчиненные напились капитально. Трезвыми остались он и Валентина. Когда рабочие разбрелись, Анатолий Николаевич обнял ее, принялся целовать. Ей это понравилось. Несколько минут спустя Валентина потащила его на склад. И там он получил подарок, тот, который давно мечтал получить. Так начались их отношения, скрываемые ото всех, потому что Анатолий Николаевич не хотел, чтобы знали о его романе с подчиненной – ни к чему. Работа есть работа.

Когда они поравнялись с «Макдональдсом», Анатолий Николаевич решительно повернул к освещенному веселыми огнями входу. Именно в «Макдональдс» он и направлялся. Ему вновь хотелось подвергнуться беспардонному американскому влиянию.

Внутри было шумно, играла музыка, звучали многие раз-

говоры. Он чувствовал себя весьма уверенно. Проследовал к прилавку, встал в очередь, буднично поинтересовался у Валентины:

– Что тебе взять?

– Не знаю...

– Чизбургер попробуй. Филе о фиш тоже вкусно. С рыбой. Хотя... дорого. В общем, чизбургер. И картошку. Хорошо? Столик займи.

Позже они сидели друг против друга. Окружающее пространство заполняла молодежь, но это не смущало их.

– Я хотел, чтобы ты побывала здесь. Надо всё попробовать. Американцы, конечно, сволочи, – продолжал со знанием дела Кузьмин. – Всюду насаждают свои порядки, весь мир грабят, за счет этого и живут припеваючи. Но еда у них вкусная.

– Да, – неспешно согласилась Валентина, прислушиваясь к своим ощущениям. – Мне нравится.

– Они и Россию превратили в сырьевой придаток... Но еда вкусная.

За окном стемнело. Вечер втиснулся на улицы городка, погрузил жителей в вечерние заботы.

– Всё равно пойду на выборы, – упрямо сказал Анатолий Николаевич.

– Хорошо. Если решил, иди. Но будь готов ко всякому.

Он помолчал с нахмуренным видом, потом ласково взглянул на нее.

– Ты мне поможешь?

– Помогу.

Дома Анатолий Николаевич смотрел телевизор. Шла телевикторина «Поле чудес». Крутилось колесо. Тужились игроки, угадывая буквы. Потом заглянул Евгений, нынешний муж бывшей жены. У него была с собой бутылка. Все верно – в последний раз ставил Анатолий Николаевич. Выпили за конец рабочей недели.

– Как твой завод? – полюбопытствовал Евгений. Кислое выражение лица было ему ответом. – А у нас ничего. Похоже, выкарабкиваемся. Читают люди книжки. Нельзя сказать, что много, но читают.

Евгений работал там же, где и бывшая жена – в типографии. Наладчиком типографских машин. И, судя по всему, руководство типографии дорожило им, если не выгнало в трудные девяностые годы.

– Национализация нужна. – Анатолий Николаевич принялся наливать по второй. – А так – грабят нас. Предприятия разворовывают. Сплошной грабеж... Давай за нас. Чтоб все было в порядке.

Выпили.

– Вот дурень. – Евгений с осуждением смотрел на экран. – Не может угадать. Яр-мар-ка. Дурень, ярмарка. – Он говорил так громко, будто надеялся, что громоздкий мужчина по ту сторону экрана услышит его.

Они успели выпить по третьей, пока не появилась Елена.

Прозвучало короткое как удар:

– Пьете?

– Чуть-чуть, самую малость, – попытался объяснить Кузьмин.

– Пьяницы.

– Какие пьяницы? По чуть-чуть. Пятница...

– Где Николаша? – не слушая, потребовала ответа Елена.

– Гуляет.

– Распустил сына. – И, повернувшись к мужу. – Пошли.

Тяжко вздохнув, Евгений встал, поплелся за женой.

Анатолий Николаевич хорошо помнил, как они с Еленой познакомились. Это случилось на вечеринке.

Он попал туда случайно. И увидел ее. Как она ему понравилась. Он ухаживал за девушками, но серьезных намерений до тех пор не имел. А тут, едва увидев Елену, подумал: «Вот бы такую жену». Лучше бы не приходила эта мысль. По крайней мере, лучше бы не реализовалась. Так нет же, всё вышло. И чем кончилось? Но тогда он был безмерно рад, встретив отклик с ее стороны. Сколь загадочно смотрели ее глаза. Каким неповторимым казался ее аккуратный носик. Они танцевали. Разговаривали. Он узнал, что она работает в типографии, учится заочно. Потом он провожал ее. И впервые поцеловал в подъезде ее дома – она позволила ему сделать это, хотя ответа он не почувствовал. Она как бы говорила: если вам хочется меня целовать, пожалуйста, но мне это не надо. Он удивлялся ее холодности, и тому, что она,

такая красивая девушка, не замужем. Разумеется, в тот раз вопросы не прозвучали. Позже, когда они стали встречаться, он узнал, что она успела побывать замужем, но первый муж оказался тираном, человеком с необузданным нравом. Слава Богу, они не успели завести детей. Он убедился, что ей нравится целоваться. А вскоре их общение пополнились еще одной формой. Анатолий Николаевич не разочаровался. И не разочаровал ее. Так она, по крайней мере, говорила ему. И, скорее всего, не обманывала. А поскольку она не предохранялась, то забеременела. На церемонии бракосочетания могла броситься в глаза некоторая округлость ее живота – Елена была тогда на шестом месяце. Долгое время они жили в комнате в коммунальной квартире, которая досталась ему от отца. И лишь когда сыну исполнилось девять, им удалось получить двухкомнатную квартиру. Ту, которая теперь стала пристанищем двух семей. Видно ему на роду было написано жить в коммуналках. Но в будущем все может перемениться.

Ой как может. У него появился шанс преодолеть эту мерзкую тенденцию.

Допивать бутылку пришлось в одиночестве под крутой заокеанский боевик. Анатолий Николаевич неодобрительно проворчал: «Опять американская гадость». Но канал не переключил. Досмотрел переполненный сценами драк и стрельбы фильм. Хотя все время убеждал себя, что не получает никакого удовольствия.

Вскоре явился Николаша. Он был взъерошенный, быст-

рый. Наполнил комнату суетой, шумом.

– Кушать будешь? – Сколько скрытой ласки наполняло голос Анатолия Николаевича.

– Буду.

Они переместились в кухню, где тут же началось изготовление бутербродов. Хлеб, вареная колбаса.

– Может, я маму попрошу?

– Давай сегодня со мной... Как у тебя дела в школе?

– Нормально.

– Оценки?

– Какие оценки? Учебный год только начался.

Бутерброды исчезали быстрее, чем появлялись из-под рук Анатолия Николаевича.

Выждав, когда скорость исчезновения кусочков хлеба, накрытых кусочками колбасы, упадет, он раздумчиво проговорил:

– Николаша, я решил на выборы идти. В Государственную Думу. По нашему округу. Заявление сегодня подал. Пользу хочу принести. Трудящимся. Депутату легче отстоять свою правоту. С депутатом все вынуждены считаться.

Лицо сына весьма красноречиво изобразило удивление. Таких широко раскрытых глаз надо было поискать.

– Ты даешь...

– По-твоему, не смогу? Смогу. Вот увидишь. Квасову хочу нос утереть. Слышал про такого?

– Не слышал.

– Есть такой. Из фальшивых коммунистов... – Он видел: сыну это не интересно. Черт с ним, с Квасовым. – Ты хочешь, чтобы я победил?

– Хочу.

– Поможешь мне?

– Помогу. А что надо делать?

– Клеить листовки. Агитировать. Сможешь?

– Смогу.

– Постараюсь договориться, чтобы тебе за это платили.

– Клёво. А чаю нальешь?

Усмехнувшись, Анатолий Николаевич потянулся к чайнику.

6

Суббота давала возможность выспаться. Анатолий Николаевич проснулся в девять. Сын еще спал. Умаялся за неделю. Анатолий Николаевич лежал на своем диване, держал перед собой листки, полученные от Юрия Ивановича, и думал о том, что предстояло ему. Вперед убегала длинная чередка дней, заполненных предвыборными делами. Она кончалась в день выборов. Ему стало страшно, когда он представил себе эту изнуряющую дистанцию.

«Может, отказаться? – спросил он себя. – В самом деле, Бог с ним, со всем этим. С выборами, с депутатством».

И тут он вспомнил про десять тысяч. Про невероятные возможности, которые сулили эти деньги, такие огромные в их городе. Отказываться было нельзя...

Москва тем и хороша, что она – Москва. Шумная, наглая, деятельная. Она бодрит почище нашатырного спирта. Здесь иной ритм жизни, чем за ее пределами, здесь по-другому дышится, здесь другие мысли наполняют голову.

Григорий прилетел в столицу не только по делам – ему хотелось развеяться, впитать той летучей энергии, какую давала столица.

Водитель вез его в центр. Суббота подарила хорошую погоду – светлый день, высокое небо. Настроение было прекрасное.

Размышления о тех многих проблемах, которые приходилось ему решать в текущий отрезок времени, вызвали конкретные действия. Нельзя давать клиентам и подопечным расслабиться. Григорий набрал на телефоне, предназначенном для разговоров с Кузьминым, соответствующий номер. Электромагнитный сигнал дошел туда, куда следует. Гудки зазвучали в трубке. Третий, четвертый, пятый... Ожидание затягивалось.

– Где он? – ворчал Григорий. – Куда запропастился?

– Что-то не так? – добродушно спросил водитель.

– Да ну! Свяжешься с идиотами... хлопот не оберешься.

– Вы, Григорий Матвеевич, всё в делах. Даже в машине работаете.

Анатолий Николаевич смотрел телевизор. Старый советский фильм, черно-белый, еще довоенный. Он любил такие фильмы. Куда нынешним российским кинолентам до старых, снятых еще при Сталине. Взять хотя бы эту, про женщину-электрика, про путаницу с чужими детьми. Он видел ее не единожды. Но с удовольствием следил за происходящим на экране.

Раздался непонятный звук. Веселенькая мелодия. Не из телевизора. Что такое? Откуда? Из-за стенки? Нет. Звучит где-то рядом, в районе шкафа.

Тут он понял – телефон. Тот, который у него в кармане пиджака. Анатолий Николаевич вскочил, стремительно распахнул дверцы шкафа. Судорожно вытащив, приложил мо-

бильный к уху. И услышал недовольное:

– Чего так долго не отвечаете?

– Я не сразу понял... Еще не привык.

– Привыкайте. Вы попросили помочь вам своих друзей и знакомых?

– Нет еще.

– Какого черта вы попусту время тратите? Кто должен ваших знакомых просить? Я за вас не собираюсь это делать? Вы не смотрите, что суббота. Для вас теперь не должно быть выходных. Надо работать. Вкалывать.

Анатолий Николаевич обещал исправиться. И не обманул – тотчас оделся, пошел к давнему другу, Сергею. Для убедительности взял с собой бутылку водки.

Когда-то давно, в прошлом тысячелетии, в советскую пору, он и Сергей работали вместе в механическом цехе одного завода, Сергей – газорезчиком, Анатолий Николаевич – на механических ножницах. Вместе бегали за водкой в обеденный перерыв, после чего слушали газосварщика дядю Васю, непомерно большого, не по годам энергичного, который, выпив, начинал рассказывать о том, как он в годы войны моряком попал в Америку и провел там целых полгода – вместе с командой осваивал эсминец, который построили для нас по ленд-лизу американцы и на котором дядя Вася потом воевал. По его словам, американцы прямо-таки носили наших моряков на руках, подкармливали, возили по выходным на прогулки. «У трапа встречали. Идем в увольнительную, а

там уже машины ждут. Пять или шесть машин. Берут по два-три человека, и везут знакомиться с разными красивыми местами. Потом домой отвезут, накормят и выпить дадут. Американки такие все поджарые. Те, которые помоложе. Так мы тогда на тех, кто постарше, внимания не обращали. А молоденькие – ох какие. Загляденье. Все такие ухоженные, красивые. А нам до вечера приказывали вернуться. Блядь! Не явишься – дезертир. И расстрел. Война идет. Жа-аль. Я бы там не одну оприходовал бы. Показал бы, что такое русский мужик. Не удалось. Но жизнь у них, я вам скажу, отличная. Все так чистенько, аккуратно. Домики, улицы. Красиво живут. А дома уже тогда было полно того, что мы только недавно увидели, там, стиральные машины, пылесосы. А еды всякой сколько. Такой, что мы и не видели. Ешь, пока жопа не отвалится. Столько, как там, я никогда не ел...»

Рассказчик был отменный, а события, описываемые им, чересчур яркими – не только рабочие, но и технологи, инженеры постоянно просили его предаться воспоминаниям. Дядя Вася никому не отказывал: два стакана водки, и он приступал к повествованию.

Потом Анатолий Николаевич закончил институт. Заочно. И хотя советская власть к этому времени кончилась, иссякла, диплом обеспечил ему другую работу – место начальника цеха металлолома на соседнем заводе. Жаль только, что дела в стране пошли плохо, и он не смог насладиться положением пусть небольшого, но руководителя.

Сергей обрадовался, обнаружив его за дверью.

– Толян, заходи. Давненько мы с тобой не виделись... – Друг напряг память. – С июля, поди.

Сотворив загадочное лицо, Анатолий Николаевич поставил на стол стеклянную емкость, вместившую пол-литра прозрачной жидкости. Это вызвало энтузиазм у хозяина. Азартно потеряв руки, он принялся готовить закуску.

Когда выпили по второй, Анатолий Николаевич проговорил:

– На выборы пойду. В Государственную Думу. Вчера заявление написал. И залог внес.

Друг всерьез удивился.

– Ты это с чего решил?!

– А что я, хуже других? Хуже Квасова, который выставляет себя защитником трудящихся. А на самом деле – вор. За какую зарплату он себе трехэтажный дом отгрохал? Да еще рядом озеро выкопал. Тоже мне, защитник. Что я, хуже?

– Толян, ты не хуже, – вскинулся приятель. – По мне, так ты лучше. Ты человек простой. Наш человек. Даже при том, что начальник цеха. Ты наш. Но он – известная личность. И бабок у него больше. Без бабок сейчас никуда.

– Ну, хорошо. А если мне дадут денег?

– Кто?! – Сергей прямо-таки опешил.

– Есть люди. Дадут. Что тогда?

У Сергея захватило дух от такой перспективы. Помыслив, он сказал:

– Давай выпьем. За твой успех.

Выпили. Потом еще. Содержимое кончилось. Сбегали за второй бутылкой.

После восьмой рюмки потянуло на серьезные темы.

– Проблемой СССР стало то, что не удалось наладить экономику, – с азартом объяснял Анатолий Николаевич. – Стоит честно признать: дело не только в происках США... – Всё было в его неистовой речи: объяснение промахов, предложение новых путей, боль за несовершенство мира. – КПРФ не оправдывает тех надежд, которые возлагают на эту партию люди, – мрачно закончил он.

Друг смотрел на Анатолия Николаевича с теплотой.

– Толя... Ты не расстраивайся. – Бутылка в очередной раз поделилась частью содержимого. – Не расстраивайся. Всё будет хорошо. Вот увидишь. Будет. Давай выпьем.

Предложение было принято.

В это время выпивали не только Анатолий Николаевич и его друг, миллионы людей по всей стране употребляли алкоголь в умеренных и неумеренных объемах. И даже в Москве шла неустанная работа по уничтожению спирто-содержащих жидкостей, весьма опасных, грозящих заполнить всю Землю. В престижном ресторане, разместившемся вблизи от Старой площади, Григорий выпивал в компании достаточно молодого человека с плутоватыми глазами. Его звали Максим, он был достаточно известным журналистом, яростным сторонником правых. Но лишь несколько человек знали, что он пишет и для красных под псевдонимом Дарья Семенова, что неистовая Дарья и Максим Ломакин – одно и то же лицо. Григорий принадлежал к весьма узкому кругу осведомленных.

– Макс, нужны тексты, – говорил он, попивая «Хеннеси». – Статьи, выступления. Ракурс тебе знакомый: от лица коммуниста, упертого ортодокса. Он не любит КПРФ, Зюганова; считает, что руководители партии зажрались, забыли про интересы трудящихся. Местных коммунистических лидеров честит, мол, разжирели, обуржуазились. Фактурку я тебе подброшу.

– Почему? – лениво поинтересовался Максим.

– Не обижу.

– Сейчас предвыборная пора...

– Я сказал – не обижу, – весьма жестко повторил Григорий.

Принесли горячие блюда. Вилки и ножи пошли в ход.

– Как приятно дорваться до качественной еды, – поделился эмоциями Григорий.

– А там негде нормально поесть?

– Откуда?! Впрочем, несколько сносных ресторанов я обнаружил. Так, второй сорт. – Григорий оживился. – Хотя «Макдональдс» там есть. Представляешь, добрался до глухой провинции. Пища для дебилов. – Он призывно махнул рукой, подзывая официанта. – Еще по сто «Хеннесси». – И вновь глаза на Максима. – Ты не против?

– Нет... Скажи-ка, твоего клиента «Единая Россия» поддерживает?

Григорий вальяжно кивнул.

– Поддерживает. Но толку от этого мало. Губернатор, как и некоторые другие хозяева регионов, исподволь гадит Кремлю. Слишком их допекли. В общем, втихую помогает коммунисту Квасову, секретарю обкома. Это серьезно. Так что Квасов – наш главный конкурент. Поэтому я и решил отнять у него часть голосов хитрым образом. Нам их никогда не взять, а представитель ортодоксальных коммунистов возьмет. На жесткой критике слева. Будешь для него тексты писать. Тебе не в первой.

– Что за человек? – вяло поинтересовался Максим.

Григорий небрежно махнул рукой.

– Доморощенный мыслитель коммунистической закваски. Я вообще не понимаю, как можно после того, как стала доступна вся информация о происходившем в СССР, оставаться сторонником коммунистических идей. А он воспринимает их всерьез. Упертый до невозможности. В общем, никчемная личность. Видел бы ты, как он обжирался на халаву, когда я пригласил его в «Макдональдс»... – Презрительная улыбка появилась на лице, вслед за тем взгляд уперся в собеседника. – Ну, ты согласен?

– Согласен.

Потом Григорий заскочил к родителям.

– Ты в Москве? – удивилась мать.

– Прилетел ненадолго. – Он передал ей пакет с купленными по пути фруктами. – Надо решить кое-какие проблемы.

– Ты здоров?

– Да. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Давление не скачет. Спасибо тебе за лекарство.

– Как папа?

– Тоже нормально. – Она повернулась в сторону большой комнаты. – Отец, иди сюда. Гриша приехал.

Появился отец, в спортивном костюме, вконец поседевший, но такой же энергичный, как прежде.

– А как твои дела?

– Работаю. Всё хорошо.

– Тебя устраивает то, что ты делаешь?

– Устраивает.

– Это главное... Что мы здесь стоим? Идемте в кухню. Ты голоден?

– Нет.

– Чаю выпьешь?

– Выпью.

Пока грелся чайник, он стоял у окна. Перед ним был двор, образованный старыми зданиями в центре Москвы. Пространство его детства. Он не любил этот двор. Здесь ему впервые пришлось услышать «жид», понять, что он другой и отличается от тех, кто живет рядом. Хотя он был евреем наполовину и по еврейским традициям вообще не считался частью древнего народа. Мать – русская по национальности. Григорий больше походил на нее, чем на отца. Все равно ему давали понять – ты другой. Когда ему было двенадцать, он решил: если он на самом деле другой, он должен быть лучше, а не хуже.

Григорий не любил этот двор. Хотя при чем тут стиснутая домами и покрытая асфальтом часть земной поверхности, ничтожная по сравнению с громадным миром? Неподалеку располагалась школа, возглавляемая в прежние времена Колесником, самодуром и полным идиотом. Григорий хорошо помнил день, когда у входной двери собралась большая толпа учеников, им долго не разрешали войти внутрь. Потом дверь открыли, но учителя не подпускали учеников к окнам,

выходящим на двор. Причина имелась, и весьма серьезная: на темном гравии, который покрывал двор, белым порошком было выведено: «Колесник дурак» и «Колесник брось чудить». Эти надписи венчал череп с костями. Порошок удалось определить очень скоро – это была известь, заготовленная для ремонта школы. Директор вызвал милицию, та обследовала двор, принялась допрашивать старшеклассников, но никого не нашла. И директор начал свое расследование. Почему он выбрал Григория? Решил, что тот может дрогнуть? Что предаст? Директор вызывал его в свой кабинет по несколько раз в день, сулил выгоды за сведения о том, кто сделал мерзкие надписи, угрожал. Григорий твердил, что не знает. Хотя знал. Сам он в подпольной акции участия не принимал, но был осведомлен, кто из его одноклассников осуществил столь славное деяние. Григория бесило то, что директор выбрал именно его. Он – слабое звено? Почему что еврей? Пусть даже наполовину. «Я не знаю», – усталым голосом твердил он, хотя внутри у него кипело. Григорий сдерживал себя, чтобы не сорваться, не выпалить какую-нибудь грубость. Он понимал – ему надо нормально закончить школу. Приходилось принимать унижение.

Книги по-прежнему занимали уйму места в родительском доме. Они были всюду – в гостиной, в коридоре, в комнате, где жили отец и мать. Художественные, научные, по математике, по истории, по многим отраслям знаний, справочники, энциклопедии, словари, пособия. Их покупал отец. Мать

только вздыхала, когда он приносил новые книги – куда поставить? Но каким-то непостижимым образом удавалось найти им место. И все успокаивалось до новой покупки. Григорий привык жить с книгами, в их окружении. Они давали знания, могли насмешить, могли навеять грусть, увести от действительности и вернуть в нее. Они могли все. Но главное – учили думать.

8

Воскресенье, как и положено, сменило субботу. С превеликим трудом Анатолий Николаевич приходил в себя. Общение с Сергеем оказалось бурным – они выпили три бутылки. Как возвратился домой, Анатолий Николаевич не помнил. Одно успокаивало – перегрузив организм алкоголем, он вел себя тихо, никогда не лез в драку, не бедокурил.

Ему хотелось поглотить всю воду в округе. Опустошив очередную чашку чая, он решил: «Третья бутылка была лишней».

Наутро после перепоя последняя бутылка всегда кажется лишней. Весь вопрос в том, как вычислить ее в процессе употребления горячительной жидкости.

«О чем я с ним договорился? – мучительно думал Анатолий Николаевич. – Не помню... Я не помню. Ой, как хреново».

Он бы не стал напрягаться, но в голове застрял вчерашний приказ Юрия Ивановича искать людей для предвыборной работы. Одевшись, Анатолий Николаевич отправился к другу.

Сергей пребывал в сходном состоянии. Мысль о том, что последняя бутылка была лишней, показалась ему трезвой.

– Может, пивка? – В тусклом взгляде Сергея теплилась надежда.

Анатолий Николаевич не любил опохмеляться, но тут не устоял. Трудно было сказать: «Нет».

– Пошли.

Погода менялась. Пасмурный день отдавал осенью.

– Ты готов мне помочь? – спросил Анатолий Николаевич, глянув на друга.

– В чем?

– Ну... с выборами.

– С выборами?.. Готов. А что делать?

– Листовки клеить, агитировать. На встречи с избирателями ходить... Бабки хорошие заработать хочешь?

– Хочу.

– Бери отпуск за свой счет.

– Надо подумать.

– Чего тут думать? Бери.

Пиво легло на благодатную почву. Серый денек повеселел, хотя и не стал теплее. Но пить по второй бутылке из горлышка прямо на улице уже не хотелось.

– Пойдем куда-нибудь, – предложил Анатолий Николаевич.

Данная мысль поставила Сергея в затруднительное положение.

– Куда?

В самом деле, куда? Летом можно пойти на пляж, который располагался вверх по течению реки, в лес и еще во множество мест. А сейчас?

– Ну... в кино.

– Я-то не против. Денег наберем?

Ревизия карманов дала умеренно положительный результат. Движение в сторону ближайшего кинотеатра было определено. Теперь все зависело от того, что осталось в кассе.

Дешевые билеты нашлись. Друзей пропустили в пространство, примыкающее к зрительному залу. Попивая неспешно пиво, они смотрели, как другие до омерзения соблазнительно закусывают бутербродами и орешками.

Фильм был американский. Вполне добрая сказка. Яркое, красочное зрелище. Признаться, Анатолий Николаевич увлекся происходящим на экране, покорно ушел в тот мир, который выстроил для послушных зрителей режиссер. Но позже, когда они шли домой, Кузьмин проворчал:

– А где наше кино? Российское? Слава Богу, здесь не было мордобоя, всякой мерзости. Но все равно, где наше кино?

– Не знаю, – беззаботно отвечал Сергей. – По мне – такое лучше. Хороший фильм. Человеку надо развеяться. Отдохнуть мозгами. Что еще?

– Россия – великая страна. Ей нужно свое кино.

Сергей не стал спорить, хотя на его лице гуляло скептическое выражение. Когда прощались, Анатолий Николаевич напомнил:

– Бери отпуск.

– Возьму... – Голос давнего друга звучал не слишком уве-

ренно. – Слушай, а может, без отпуска?

– Без отпуска не получится, – жестко выговорил Кузьмин, потом, смягчившись, добавил. – Один мужик... он разбирается в этом, так он сказал, что отпуск по закону положен. Так что имеешь право. Понял?

Сергей кивнул с явной осторожностью.

Вечер бойко втискивался в пространство городских улиц. Зажигались теплым светом окна. Дома вбирали горожан, оставляя улицы пустынными. Один из домов поглотил Анатолия Николаевича.

Сын смотрел телевизор. Нечто бурное происходило на стеклянном экране. Анатолий Николаевич стал переодеваться.

– Ты вчера был хорош, – насмешливо проговорил сын, повернувшись к нему.

Анатолий Николаевич смутился.

– Так получилось... Не рассчитали мы с дядей Сережей.

– Вы с ним всегда не можете рассчитать.

Тут оставалось одно – промолчать.

Понедельник надвигался на земной шар. Анатолий Николаевич думал о том, что завтра придется держать ответ перед Юрием Ивановичем. Нехорошие ощущения ворочались в нем.

9

О предстоящем дне размышлял и Григорий. Утренним самолетом он должен был покинуть Москву. Многие заботы ждали его. Основной кандидат и второй, вспомогательный, требовали пристального внимания и творческого подхода. График мероприятий на будущую неделю был распisan, только это не повод для того, чтобы расслабиться.

– Гриша, ты в своем амплуа, – прозвучал рядом голос Марии.

– Что ты имеешь в виду?

– Вроде со мной, а вроде – нет.

– С тобой, с тобой, – быстрым голосом заверил ее Григорий. – Пить хочу. Поставь чаю.

Мария покинула постель, голышом направилась в кухню. Фигура у нее была классная – худая, поджарая. Не зря изнуряла себя шейпингом. Груды маленькие, такие, какие бывают у не рожающих женщин. Она ему нравилась. Не дура, вполне самостоятельная. Но жениться он не собирался. Прекрасно понимал, что эта женщина слишком себе на уме, что не стоит рассчитывать на долговременные отношения с ней.

Потом они пили чай и перекусывали.

– Надолго уезжаешь?

– Не знаю. Дел там хватает. Приеду. Но когда именно, сказать не могу.

– А что за кандидат?

– Крупный бизнесмен. В недавнем прошлом – преступный авторитет. Пахан. А сейчас – предприниматель

– Не опасно с таким связываться?

– Нет. Он теперь солидности хочет. Стать полнокровной частью истеблишмента. Ничего нового – такое было уже в Америке. В позапрошлом веке, и в первой половине прошлого. Манеры у него хамские. Зато бабок много. Так и сыпет зелеными.

Она была хороша – голая на табурете, сидевшая расставив ноги. Ему захотелось повторить то, что уже было сделано.

– Иди ко мне.

Охотно покинув табурет, она устроилась у него на коленях. Он принялся ласкать ее. Потом оказался в ней. Как страстно кряхтела она. Ему нравились эти звуки.

Рано утром водитель повез его в аэропорт. Самолет выполнил свое дело – стремительно переместился из одного места на поверхности земли в другое, из одного российского города в другой. Едва самолет коснулся колесами бетонной полосы, Григорий превратился в автомат по достижению определенных целей. Мобильный телефон связал его с несколькими людьми прежде, чем открыли двери, и пассажиры смогли покинуть самолет.

Водитель встретил его, машина приютила на заднем сиденье. Работа продолжилась. Потом была планерка в штабе, переговоры, еще звонки. Среди них – Кузьмину.

Цех металлолома жил своей тихой постсоветской жизнью, хотя порой, когда включалось оборудование, шума хватало. Весь завод как бы существовал, но со стороны могло показаться – давно умер. Вроде ходят по территории люди, что-то делают, а толку никакого.

Анатолий Николаевич сидел с рабочими в курилке. Сам он воздерживался от употребления табачных изделий, но подчиненных своих не сторонился. Курилка была комнатой для дискуссий, горячих споров. А сам Анатолий Николаевич играл в бурных обсуждениях не последнюю роль.

В очередной раз говорили о жизни.

– Это хищники, – с присущей ему страстностью доказывал Анатолий Николаевич. – Взяли предприятия по дешевке, и теперь вконец разоряют. Будущее их не интересует. Разграбить, что можно, и бросить. Получить какие-то деньги сейчас, а что будет потом, плевать.

Понурая тишина расплзлась по курилке. Сказанное в полной мере касалось их завода, а тут уже все надежды на улучшение выветрились. Потом прозвучал юношеский голос.

– Анатолий Николаевич, правда, что вы на выборы пошли? – невероятно смущаясь, спросил молодой нескладный парень, работавший сортировщиком.

Этот вопрос удивил Кузьмина.

– Ты откуда узнал?

– Говорят.

– Кто говорит?

– Люди.

Анатолий Николаевич подумал, что это Валентина сообщила его подчиненным то, что знала, глянул на нее, но та смотрела на него преданными глазами. «А чего дергаться? – спросил он самого себя. – Все равно узнают». Десяток пар глаз ожидающе смотрел на него.

– Да, пошел. Буду бороться за депутатское место. По нашему округу.

И вновь повисла густая тишина, потом по курилке разбежался ропот. Что они говорили друг другу? Он не мог понять, пока все тот же парень, которого звали Егором, не выпалил возбужденно:

– Мы за вас, Анатолий Николаевич. Мы за вас.

Тут он услышал бойкую мелодию, звучащую где-то рядом. И сразу понял – мобильный. Он растерялся – говорить здесь, при всех? А что? Пусть посмотрят – у него такая классная штука. И все же он слегка стеснялся. Поэтому шагнул в сторону, отвернулся, нажимая на зеленую кнопку и прикладывая телефон к уху. Голос Юрия Ивановича звучал строго:

– Вы работать собираетесь?

– Да.

– Пора начинать. А то поздно будет. Я вас жду. – Григорий

назвал адрес, по которому надо было явиться через полчаса.

Обернувшись, Анатолий Николаевич увидел глаза, устремленные на него – любопытные, удивленные, пристальные.

– Я по делам, – гордо сообщил он и удалился.

По указанному адресу Анатолий Николаевич обнаружил неказистый трехэтажный дом, а в доме – комнату на первом этаже с отдельным входом, большую, сиротливую: стол с телефоном, три стула – вот и вся обстановка. Желтые обои давно и беспардонно выцвели.

– Это ваш штаб. – Юрий Иванович смотрел сурово. – Еще два стола привезут к вечеру. И стулья. Где ваши знакомые, где друзья? Где те, кто будет на вас работать? Я хочу видеть здесь начальника штаба, который будет руководить командой, секретаря, людей, отвечающих за направления работы.

– Я понимаю...

– Что вы понимаете?! Что?.. Они должны сидеть здесь с завтрашнего дня. Это вы поняли?

– Да. Я говорил с людьми. Они думают.

– Не знаю, кто там чего думает. Они должны здесь сидеть. Завтра, – неумолимость леденела в голосе Юрия Ивановича. – Или вы станете утверждать, что в этом городе нет людей, которые хотят заработать? Не смешите меня. Здесь половина города таких. Вот вам ключ. И не заставляйте повторять одно и то же несколько раз.

Анатолий Николаевич бросился на завод. Валентина, как

и положено, была на складе.

– Валя, спасай.

– Прямо сейчас? – ее взгляд стал весьма игривым.

– Я не про это. Я про выборы.

– Мы же договорились. – Она добродушно улыбалась. –

Помогу.

– В штабе сидеть надо. И еще Бог знает сколько работы. Я хочу, чтобы ты взяла отпуск за свой счет. Хорошо подзаработаешь. И мне поможешь.

Она колебалась. Ей трудно было сказать нечто определенное. Наконец прозвучало:

– Мне бы не хотелось потерять работу.

– Я – начальник цеха. Я тебя отпущу.

Его слова не успокоили ее. Она искала выход.

– Может, моя мать сядет в штабе?

– Она – пожилой человек. Сил у нее не хватит.

Подумав, она согласилась:

– Что верно, то верно. И не слишком толковая.

– Валя, решайся. Для меня это вопрос жизни.

После этого состоялся разговор с Егором. Тот весьма благосклонно отнесся к идее подзаработать, помогая при этом начальнику. По окончании рабочего дня Анатолий Николаевич поймал Сергея. Окончательное согласие было получено, хотя, вне всяких сомнений, это решение далось другу непросто. У Анатолия Николаевича стало спокойнее на душе.

Следующий день преподнес неприятную неожиданность.

Едва цех металлолома принял своего начальника, в неказистый кабинет заскочил один из подчиненных, юркий и смешливый Гирин. Лицо у него было встревоженное.

– Анатолий Николаевич... про вас написано в газете.

– Какой?

– В «Утренней звезде».

Это была местная газета, из тех, которые относят к «желтым» – в подобных изданиях можно прочитать всякое.

– И что написано? – холодно поинтересовался Анатолий Николаевич.

– Да как сказать... – Гирин смутился. – Лучше сами прочтите.

Глаза судорожно хватали заголовки. Не то. Не то. Вот! «Серая лошадка выборов». Это про него? Он принялся вбирать строчки: «Наряду с известными политиками... секретарем обкома КПРФ Владимиром Квасовым, крупным предпринимателем Юрием Мельниченко, профсоюзным лидером Александром Деминым... в предвыборную борьбу ввязался никому не известный начальник цеха... Анатолий Кузьмин. Какую цель преследует его участие в выборах? Скорее всего, он – подставная фигура. Серая лошадка, призванная стать троянским конем...»

Скверное ощущение, возникшее в нем, окрепло, усилилось, достигло невозможных пределов. «Что делать?» – беспомощно думал он. И тут возникло – Юрий Иванович!

Мобильный телефон покинул карман, чтобы сделать свое

коммуникационное дело. Гудки звучали непомерно долго. Едва мужской голос произнес: «Алло?», Анатолий Николаевич затараторил:

– Надо срочно увидеться... Тут про меня такое напечатали. В газете... В местной... Надо срочно увидеться.

После некоторой паузы неохотно прозвучало:

– Идите в штаб. Я там скоро буду.

Мрачный небосвод накрыл Анатолия Николаевича. Даже погода была недовольна творившимся на земле. Кузьмину казалось, что все люди, встреченные им на улице, смотрят на него с явным осуждением. Это было гадко, невыносимо.

Когда он пришел в штаб, Юрия Ивановича там не было. Кузьмин ходил из угла в угол, время от времени заглядывая в газету, словно желая убедиться, что заметка не пропала, не привиделась ему. Распахнулась дверь, впустила в комнату человека, от которого теперь зависело так много. Анатолий Николаевич кинулся к нему.

– Заметка. Вот. – Он совал газету под самый нос.

– Да читал я. Читал... Не расстраивайтесь. По-моему, радоваться надо. Вы сейчас в том положении, когда стоит сказать спасибо за любую бесплатную публикацию. Пусть напишут, что вы – преступник, вор. Какая разница? Главное, чтобы люди обратили внимание и запомнили фамилию – Кузьмин.

Анатолий Николаевич опешил.

– А честное имя?

– Чего оно стоит, честное имя? Главное – чтобы знали... – Он усмехнулся реакции Анатолия Николаевича. – Вы не дергайтесь. Успокойтесь. Я же не предлагаю вам стать преступником. Главное, чтобы обратили внимание. Время такое... Потом поймете, что я прав. Костюм приличный у вас есть?

– Есть. А что?

– Снимать вас будут на телекамеру. В четверг. Пойдете на заседание избирательной комиссии. Получать удостоверение кандидата. Важное событие. Местное телевидение я притащу. Понятно? Держите себя уверенно. Вы – защитник светлой коммунистической идеи. Только не перегните палку. И не хамите. – Каким строгим был его взгляд.

– Понял. Вы там будете?

– Нет.

– Почему? – испугался Кузьмин.

– Есть другие дела. – Не мог же Григорий сказать этому недотёпе, что у него есть еще один подопечный, и он вообще не хочет светиться на официальных тусовках, чтобы не попасть впросак. – Вы людей набирайте. Это за вами. Здесь должна кипеть работа. – Он показал пальцем куда-то вниз. – Кстати, вам нужны доверенные лица. Вы ищите?

– Люди не хотят просить отпуск. Боятся, что выгонят с работы.

– Я же вам говорил: доверенным лицам по закону обязаны давать отпуск.

– Я им объясняю. Все равно боятся.

Досадливо поморщившись, Григорий подытожил:

– Ищите. Крутитесь. Хватит спать. А начальство пугать надо – есть закон, обязаны выполнять.

– Очень много они выполняют, – проворчал Кузьмин.

– Молчать будете, ничего не получите... Всё, я побежал.

Дела.

Григорий покинул убогую комнату. Дорога лежала в настоящий штаб. Он знал, что его стремительное появление будоражит временных подчиненных. Они побаивались его, и это казалось ему полезным – сотрудники должны выкладываться, если им платят хорошие деньги.

Ревизия текущего состояния дел была проведена. Оплехи и благодарности – розданы. Он отправился на третий этаж, по пути многозначительно подмигнув Ольге, та не ответила, опустила глаза. В солидном помещении его ждали. Начался очередной важный разговор.

– По результатам опроса вы на втором месте. На первом по-прежнему Квасов. Но разрыв уменьшился. Так что динамика положительная. – Григорий протянул своему главному подопечному листок. – Это график ваших встреч. Прошу его соблюдать. Завтра собираем начальников районных штабов. Пусть отчитаются.

Вялый кивок обозначил одобрение словам Григория.

– А как проект? С этим... Хуммо комми. Какое, бл...ь, там название ты придумал?

– «КОК». Красный ответ Квасову. Всё в порядке. Проект развивается. Послезавтра Кузьмин получает удостоверение кандидата. Можно будет начать агитацию. Тут уж мы позабавимся, потопчем Квасова.

– Уверен, что никто не подкопается? – сколь пристальным был взгляд самых важных глаз.

– Абсолютно уверен.

– Хорошо... Надо отметить. – Самая важная голова обернулась к сидевшему рядом человеку, хранившему неизменное молчание. – Что ждешь? Давай вискаря... – И вновь хитрые глаза на Григория. – А как ты собираешься реагировать на тот компромат, который готовят против меня?

– Другим компроматом. Лучшей защитой по-прежнему является нападение.

– Хорошо... Дашь посмотреть, что ты там придумал.

Содержимое бутылки перетекло в четыре стаканчика. Руки вознесли их над столом.

– За успех, – сказал самый важный голос.

Виски попало туда, куда ему изначально предопределено было попасть – в глотки, чтобы затем опуститься в желудок со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Всё. Мне сейчас на переговоры, – сообщил самый важный в помещении человек. – Я продолжу вечером. А ты, если хочешь, пожалуйста.

– Нет, – сказал Григорий. – Мне тоже надо поработать.

Вернувшись на второй этаж, он засел за компьютер. Множество разных документов и текстов успело родиться и начать свою жизнь в электронном мозге, прежде чем Ольга не подошла к нему и не проговорила:

– Григорий Матвеевич, можно мы все пойдем домой. Уже

одиннадцать.

– Одиннадцать? – удивился Григорий. – Ладно, пусть все идут домой. А ты задержись. Есть дело.

Штабные люди вмиг разбежались, оставив их вдвоем.

– Григорий Матвеевич, я устала.

– Я тоже устал. Пора отдыхать. Поехали, посидим где-нибудь. Недолго. Потом тебя машина отвезет.

Ольга не смогла отказаться.

Мелкий дождь наполнял пространство между зданиями. Мизерные капельки воды неспешно падали на землю, создавая повсеместную мокрость.

Машина поглотила их с Ольгой, закрутила колесами, настырно перемещая улицы за окном. Ресторан приблизился, встал напротив дверцы. Они вышли под скучный дождь, чтобы тут же спрятаться от него, вторгнувшись в пространство ресторана.

Внутренность этого заведения нравилась Григорию – грубоватые столы, отделенные друг от друга декоративными стенками, нависающие над столами конусы ламп, старомодные телефоны около каждого стола, по которым можно было звонить в пределах зала, старые вещи, плакаты. Кухня, конечно, так себе. На четверку с минусом. Но лучшей в этом городе не найдешь.

– Возьмем солянки. Здесь прекрасная солянка.

– Первое? Скоро полночь.

– Ну и что? – Григорий махнул рукой, подзывая офици-

антку. – Две солянки. Бутылку водки. Рыбное ассорти. Овощей... Всё. Только побыстрее. А то уже спать пора. – И вновь глаза на Ольгу. – Чем здесь живут люди?

Она усмехнулась, пожала плечами.

– Работой. Домашними делами.

– Это понятно. А кроме того? Какая здесь культурная жизнь?

– У нас есть театр. Конечно, премьеры там не часты. Но бывают. Есть картинная галерея. Наши художники выставки там проводят.

– И все? – Легкое сожаление появилось на его лице. – Здесь нет той напряженности интеллектуальной жизни, которая присутствует в Москве.

– Тогда ее нет на большей части России.

– Это верно. Вот почему я принадлежу к тем, кто способен жить только в Москве. Хотя последние шесть лет регулярно живу в провинции.

Тарелка с рыбным ассорти опустилась на стол, появились овощи, запотевший графинчик с прозрачной жидкостью. Официантка принялась переливать часть этой жидкости в рюмки.

– Мне чуть-чуть, – поспешила заявить Ольга.

Григорий не дал официантке выполнить просьбу, надавил рукой на горлышко графина, пояснил Ольге:

– Пусть будет полная. А ты выпьешь столько, сколько хочешь.

«Она симпатичная, – думал Григорий. – Надо ее еще трахнуть. И не единожды».

Водка пошла прекрасно. Осетрина весьма разумно последовала за ней. Свежий огурчик стал хорошим дополнением.

– А чего ты разошлась с мужем?

– Мне бы не хотелось об этом говорить.

– Стесняешься?

– Просто не хочу.

Солянка появилась на столе.

– Ну как, вкусно? – Григорий прямо-таки светился.

– Да. Только непривычно есть первое в такое время.

– Это в тебе стереотипы говорят. Надо их ломать. Шире смотреть на мир... Еще водочки. Самый раз под солянку.

Дождь продолжал свое нехитрое дело, когда они вышли из ресторана.

– Заедешь ко мне? – спросил Григорий.

– Не надо. Я устала. И уже поздно.

Григорий не стал упорствовать. Он знал, что получит желаемое. Пусть немного позже, но получит.

«Может посетить здешний театр? – усмехаясь, размышлял Григорий. – Вдруг удивят?»

Он любил театр. С давних пор. Каким потрясением стал для него спектакль «Синяя птица» в театре Вахтангова. Ему тогда только что исполнилось двенадцать. Удивительная пьеса Метерлинка, задорная, легкая игра артистов. Необычный мир открылся ему, влекущий, непрестанно удивляю-

щий, не дающий расслабиться. Как он был очарован. Через месяц отправился на спектакль во второй раз. И вновь смотрел, не отрываясь. Ему хотелось стать артистом или режиссером, навсегда войти в театральную вселенную, существовать там, чувствуя себя в своей стихии. Но... Жизнь сложилась по-другому. Зато у него была уйма знакомых артистов, режиссеров. Все, что заслуживало внимание, не проходило мимо него.

«Навряд ли удивят, – решил Григорий. – Нечем удивлять».

Выпадение атмосферных осадков продолжалось. Откуда только природа брала такое количество жидкости? Город был мокрым, намокли все. Анатолий Николаевич достал зонтик. Нельзя было попортить единственный выходной костюм. Белую рубашку он гладил в этот раз особенно тщательно. Подбирал галстук. Обещанное свидание с телевидением вызывало у него смутную тревогу.

Заседание избирательной комиссии собрало уйму народа. Царило оживление. Стояли две телекамеры, сновал человек с фотоаппаратом. Анатолий Николаевич увидел Квасова, одутловатое лицо которого было знакомо по фотографиям в газетах. Он оказался непомерно грузным. Анатолий Николаевич был старше Квасова на четыре года, но сохранил стройность фигуры, подвижность. Это было ему приятно. Даже внешне секретарь обкома проигрывал ему.

Члены комиссии заняли места за столом, публика уселась на стулья, расставленные сбоку. Первым решали вопрос по Квасову. Маленькая сушеная женщина, прилежно исполняющая роль секретаря комиссии, воодушевленно сообщила, что подписи по выдвижению кандидата собраны. Данный факт, похоже, радовал ее. Немного посоветовавшись, комиссия приняла верное решение. Квасову под бурные аплодисменты вручили удостоверение кандидата. Появились букеты

цветов.

Анатолий Николаевич шел вторым пунктом. Сушенная женщина пыльным голосом известила собравшихся, что внесен установленный законом залог, все необходимые документы в порядке. Но чувствовалось, что ее это ничуть не волнует. Положительное решение комиссии было принято без всяких совещаний. Кузьмина попросили подойти к столу. Из рук председателя комиссии он получил удостоверение кандидата. На закатанном в пластик прямоугольнике бумаги была его фотография, накрытая печатью, нужный текст. Вернувшись на свое место, он долго разглядывал пропуск в новую жизнь.

Когда всё закончилось, и присутствующие вновь образовали говорливую толпу, к Анатолию Николаевичу подлетела молоденькая миниатюрная девушка, вполне симпатичная, элегантная.

– Телекомпания «Рассвет». Вы не скажете несколько слов для наших телезрителей?

Глупо было спрашивать его об этом. Разве он мог отказаться? Он ждал возможности предстать перед телекамерой.

Его отвели в сторонку. Он увидел круглое стеклянное окошко, вбирающее изображение. Окошко было направлено на него. Девушка смотрела добрыми глазами, подставляла ему шарик микрофона.

– Зачем вы идете на выборы?

Он вдруг растерялся. Казалось бы, столько раз думал об

этом, говорил друзьям, знакомым. А тут – растерялся.

– Пользу хочу принести... – мямлил Анатолий Николаевич. – Трудящимся... Депутатам... депутату легче отстоять правоту... С депутатом все вынуждены считаться.

– Вы уверены, что победите?

– Да, – робко выговорил Анатолий Николаевич.

– А кто дает вам деньги на предвыборную кампанию?

Это был коварный вопрос. Что он мог сказать?

– Друзья помогут.

– У вас богатые друзья?

Его вновь пытались поймать. Он не оплошал, нашелся:

– У меня много друзей. Потому что я защищаю трудящихся.

Он вдруг почувствовал в себе готовность сказать многое. Объяснить свою позицию. Но девушка буркнула: «Спасибо» и отвернулась. Камера тоже потеряла к нему интерес.

Общение с телевидением и всё предшествующее взбудоражило Анатолия Николаевича. Покинув официальное здание, он не сразу вспомнил про дождь. Зонтик пребывал в сложенном состоянии. Анатолий Николаевич корил себя за то, что растерялся, выступил блекло. Надо было собраться, напрячь волю, показать напористость, уверенность в себе.

Он почувствовал, что волосы намокли. С опаской глянул на костюм – плечи повлажнели. Чертыхнувшись, раскрыл зонтик, поднял его, отсекая падающую влагу. И тут же услышал мелодию из кармана.

Голос Юрия Ивановича добрался до него:

– Получили удостоверение?

– Да.

– Почему не звоните? Я просил вас позвонить.

Анатолий Николаевич протяжно вздохнул.

– Я расстроился... По-моему, я не слишком хорошо выступил перед телекамерой.

– Нечего расстраиваться. На это нет времени. Быстро к директору завода. Оформляйте отпуск.

Пришлось долго ждать автобус. Наконец, он приехал, открыл двери, позволил Анатолию Николаевичу протиснуться внутрь, повез его и других пассажиров по разбитым улицам, дергаясь на выбоинах.

Лицо у Анатолия Николаевича было озабоченным и важным одновременно, когда он появился в приемной директора завода. Секретарша глянула на него с интересом.

– Анатолий Николаевич, вы по какому поводу?

– По личному.

– Прием по личным делам по понедельникам с пятнадцати до семнадцати ноль-ноль.

– Я... по выборным делам, – с трудом выговорил Кузьмин.

– Слышали... – Сдержанно усмехнувшись, она подняла трубку телефона. – Петр Степанович, к вам тут Кузьмин пришел... Да. Хорошо. – Ее глаза нашли Анатолия Николаевича. – Идите. Ждет.

Директор поднялся из-за стола, шагнул навстречу, пожал

руку. Показал на кресла, стоящие в углу.

– Давай мы тут, поудобнее. – Уселся. – Ну, рассказывай.

Анатолий Николаевич смутился.

– Что рассказывать?.. На выборы пойду.

– Слышал. Весь город об этом говорит. – Начальственные глаза смотрели насмешливо. – С чего ты решил выборами заняться?

– Хочу принести пользу. Трудящимся.

– Да брось ты. Какая польза? В депутаты идут, чтобы разбогатеть, приобрести влияние. В общем, правильный ход.

Тут Анатолий Николаевич смекнул:

– Если стану депутатом, вам же лучше будет.

– Чем?

– В депутатах свой человек. Вопросы можно решать.

Директор вяло усмехнулся.

– Ты сначала стань депутатом.

– Стану. А вы помогите.

– Чем? Деньгами? Денег нет.

– Эту проблему я решу, – хвастливо произнес Анатолий Николаевич. – Вы мне людей отпустите. Из моего цеха. Чтобы мне помогали. И меня самого в отпуск за свой счет. По закону положено.

– В отпуск? Оформим, – с легкостью произнес директор. – И людей отпустим. – Понизив голос, он добавил. – Неофициально.

– Как, неофициально? – опешил Анатолий Николаевич.

– Так. Тебя – официально, а их – неофициально. Вроде они на работе, а вроде тебе помогают. Но ты вот что. Ты про это никому не говори. Не хочу, чтобы на меня губернатор наезжал. Он, насколько мне известно, Квасова поддерживает. Вот так. Ни-ко-му. Понял?

– Да.

– Еще вопросы есть?

– Нет.

– Действуй.

В хорошем настроении Анатолий Николаевич покидал кабинет директора. Ему казалось, что победа вполне достижима. Он проследовал в свой цех, стоящий на отшибе. Удовольствие кандидата было продемонстрировано подчиненным.

– Хотите подзаработать? – с хитрым видом любопытствовал Кузьмин. Отказываться никто не стал. – Будете помогать мне. С директором я договорился. Он отпустит... – Анатолий Николаевич осекся, вспомнил о просьбе директора. – Ну... препятствовать не станет.

– А что будем делать?

– Агитировать, листовки клеить, – с видом знатока принялся объяснять Анатолий Николаевич. – Встречи проводить.

После цеха он пошел в штаб, где уже второй день дежурила Валентина.

– Звонки были?

– Нет.

– И никто не приходил?

– Никто.

Зачем ей надо было находиться здесь, он не знал. Но это-го требовал Юрий Иванович. И потому Валентина сидела в штабе.

Он опустился на стул. Решил передохнуть. Как хорошо никуда не спешить. Он смотрел на нее. Каким красивым, родным казалось ее лицо. Ему захотелось. Он поднялся, запер дверь, подошел к ней, обнял.

– Толя, не надо. Вдруг кто-нибудь придет.

– Да кто придет?.. А тебе не хочется? Мы ведь с тобой нигде кроме склада не пробовали.

Он овладел ею на столе. Это было интересно, ново.

– Тебе понравилось?

– Да, – по-детски смущаясь, выдавила она. И тотчас тревога обозначилась на ее лице. – Вдруг кто-нибудь придет. Давай скорее оденемся.

– Успокойся. Никто не придет.

Ощущение новизны сыграло свою роль. Ему захотелось повторить. Он принялся ласкать ее, но чувствовал, что она не принимает его ласку. Она была чересчур напряжена. Ему стоило больших усилий отвлечь ее. И что же? Едва он добился отклика, в дверь постучали. Все спуталось. Он кинулся одеваться. Валентина – тоже. Время лихорадочно отсчитывало секунды. Пуговицы не застегивались.

Еще раз постучали. Анатолий Николаевич продолжал судорожно одеваться. При этом он переместился к двери, спросил жестяным голосом:

– Кто там?

– Откройте, – глухо прозвучало в ответ.

Анатолий Николаевич оглянулся – Валентина поправляла прическу. Ключ совершил свою работу, дверь открылась, соединяя внутреннее и внешнее пространство. На пороге стоял милиционер. У Анатолия Николаевича дернулось сердце.

– Лейтенант Сермягин. – представился он. – Здешний участковый. Чем вы тут занимаетесь? С какой целью занимаете помещение?

– Штаб предвыборный, – пролепетал Анатолий Николаевич.

– Документы у вас есть?

Анатолий Николаевич достал удостоверение кандидата, протянул участковому. Он слышал, что милиция за все вымогает деньги. Но надеялся – удостоверение поможет. Милиционер внимательно изучил документ, поразмышлял. Следом прозвучало:

– Надеюсь, здесь все будет нормально. Если что, обращайтесь.

Вернув удостоверение, направился к выходу.

Анатолий Николаевич воодушевился.

– Видишь? Удостоверение действует.

– Я как чувствовала, что кто-то придет.

– Можно было не открывать. Подумаешь, участковый.

– Нет уж, лучше с участковым не связываться...

Ожил телефон на столе, заурядная трель вылетела из него.

Валентина подняла трубку.

– Слушаю... Чем занимаемся? Выборами занимаемся...

Как, кого? Анатолия Николаевича Кузьмина... Куда? В

эту... В Думу... Он? Здесь. Даю. – Она протянула трубку

Анатолию Николаевичу. Лицо у нее было озадаченное. – Те-

бя спрашивают.

Приложив к уху трубку, он услышал энергичный голос

Юрия Ивановича.

– Вы что, не можете обучить своих людей, как надо го-

ворить? Штаб кандидата в депутаты Государственной Думы

Кузьмина. Поняли? Штаб кандидата!.. Необходимо обсудить

кое-какие вопросы. Через полчаса жду вас на прежнем ме-

сте.

Анатолий Николаевич аккуратно вернул телефону труб-

ку.

– Кто это? – с тревогой спросила Валентина.

– Человек... который нам помогает. Он против Квасова.

– Мне голос не понравился.

– Голос как голос.

– Какой-то наглый...

Анатолий Николаевич смотрел на нее задумчиво. Ему бы-

ло неприятно, что Юрий Иванович в очередной раз отчитал

его. С другой стороны, пусть отчитывает, лишь бы выполнил

обещанное...

Встреча состоялась. На этот раз Григорий не повел своего подопечного в «Макдональдс». Нечего баловать. К тому же, некоторые действия требовали конфиденциальности. Они устроились в машине, обслуживающей Григория, оставив снаружи дождь и водителя.

– Отпуск взял, – прилежно докладывал Анатолий Николаевич. – С директором насчет людей договорился. Мои подчиненные будут мне помогать.

– Хорошо. – Григорий протянул ему толстый, увесистый сверток. – Вот вам деньги на текущую работу. Сто пятьдесят тысяч рублей. Пятьдесят тысяч положите на счет. Для официальных проплат. За аренду штаба из них заплатите. Чтоб все официально было. И еще предстоят расходы. Остальные сто тысяч – для оплат черным налом. Дайте людям небольшой аванс, чтобы интерес поднять. Берите расписки. Только в штабе их не храните. Поняли? Где-нибудь подальше. А сейчас мне расписку напишите. На сто пятьдесят тысяч рублей.

Анатолий Николаевич сроду не держал таких денег. Непривычные ощущения теснились в нем. Сколько усилий потребовало написание расписки. Рука выписывала какие-то кренделя. Кое-как справившись, он ощутил необходимость сказать что-то важное, значительное.

– Юрий Иванович, мне бы только получить возможность к простым людям обратиться. Я смогу их убедить. Смогу до-

стучаться... до их сердец.

– Есть два закона, которые правят миром, – лениво произнес Григорий. – Попробуйте кого-то чем-то заинтересовать, кому-то что-то предложить, на что-то подвинуть. Бесполезно. Отсюда первый закон: «Никому ничего не надо». Но если вы что-то делаете, заняты чем-то, и у вас получается, каждый норовит сунуть нос. Если вы прилично заработали, каждый пытается оторвать кусок, влезть в долю. Отсюда второй закон: «Всем надо всё». Вот те два закона, которые определяют нашу жизнь.

Анатолий Николаевич не понял, как эти два закона сочетаются друг с другом, но спрашивать постеснялся. Тут ему дали понять, что более не имеют для него времени. Он и водитель поменялись местами. Теперь дождь принялся донимать его. Пришлось отгородиться от неба зонтиком. Анатолий Николаевич еще немного постоял, пытаясь осилить мыслью соединимость двух противоречащих друг другу законов, но не найдя ответа, двинулся назад.

Он шел в штаб, размышляя о том, сколько событий вместил этот день. Случаются такие дни, богатые на события. Редко, но случаются. Он сжимал свободной рукой удобный по размеру сверток, таящий в себе огромные возможности. Анатолий Николаевич струил радость в окружающее пространство. И вдруг подленький вопрос залез в голову: не опасно ли нести одному такие деньги? Вдруг нападут, отнимут? А следом: куда их деть на ночь? В штабе спрятать? Ку-

да? Взять домой? А там куда?.. Тревога надежно поселилась в нем, потеснила радостное ощущение.

Сопровождаемый сомнениями, он открыл дверь штаба и обнаружил внутри своего друга, Сергея.

– Пришел посмотреть, как вы тут обосновались? Нормально. Жить можно. Все, что необходимо.

– Посмотреть... – добродушно проворчал Анатолий Николаевич. – Ты работать приходи, а не смотреть. Чего тянешь? Боишься своего директора? Зря. Оформлю тебе удостоверение доверенного лица, на законных основаниях отпуск получишь.

Анатолий Николаевич хотел было выдать другу задаток, но испугался показывать толстую пачку денег. Береженого, как говорится, Бог всё еще бережет. Оставалось воздействовать словом.

– Тебе что, деньги не нужны?

– Не ворчи. – Сергей широко улыбался. – Надо отметить. Ну, что кандидатом стал.

Появилась бутылка водки, нехитрая закуска. Выпили. За получение удостоверения кандидата, за новоселье, за предстоящий успех на выборах. Но когда настало время идти за второй бутылкой, Анатолий Николаевич воспротивился.

– Не надо. – говорил он. – Завтра много работы. Хватит.

Сергей посмотрел на него с удивлением, но спорить не стал.

Анатолия Николаевича пугали деньги, поселившиеся в

кармане куртки. Отказ продолжить возлияние был вызван боязнью перебрать – мало ли что случится тогда с огромной суммой. Дома он не знал, куда спрятать деньги. Долго мучился, ходил по комнате, наконец, сунул под матрас. И успокоился – их нельзя было вытащить, не потревожив его. Едва устроившись на кровати, он заснул. Но через какое-то время осторожный шум разбудил его.

– Николаша, ты?!

– Я, – ответил сын.

– Опять ночная жизнь. Хватит. Небось, выпиваете.

– Да что ты, пап. Ничего не выпиваем. Сидим у Пашки. Там компьютер. Игры. У остальных компьютеров нет.

Анатолий Николаевич хотел было проворчать: «Баловство все это, компьютеры и прочее». Но передумал – чересчур бурно реагировал на такие слова сын. Не нравилось ему, когда умаляют достижения прогресса. А Кузьмин дорожил хорошими отношениями с отпрыском.

– Кушать будешь?

– Нет.

– Тогда ложись поскорее. Спать пора.

Сын быстро разделся, лег, и вскоре его мерное сопение пошло по комнате. А вот к Анатолию Николаевичу утерянный сон упрямо не желал возвращаться. Глядя в потолок, он размышлял о будущем. Сколько суеты принесла с собой новая жизнь. Она сулила многое, но и требовала немало взамен. «Как любопытно все устроено, – думал он. – Ничто не

дается просто так. В этом скрытый смысл. Высшая необходимость». Ему нравились мысли, посетившие его.

Рассвет приволок новый день. Григорий лежал в постели. Не хотелось вставать. Противно было думать о делах. Но он не мог позволить себе расслабиться. Одеяло в сторону. И навстречу проблемам, событиям, всяческим козням, проискам. И победам. Он привык побеждать.

Сегодня предстояло встретиться с одним журналистом, передать ему деньги и материал, который он должен был разместить в популярном издании. Следовало посмотреть новые варианты видеороликов, переговорить с Максимом, прилетающим через несколько часов – надо было ввести его в курс дел и дать задание. Сверх того, он должен был увидеться с местным социологом, обсудить сроки нового социологического опроса.

Он любил, когда одно дело наезжает на другое, когда приходится напрягаться, жить «на форсаже». Тогда ему легче дышалось и думалось.

Летательное приспособление, называемое самолетом, прибыло по расписанию. Водитель встретил Максима, привез в штаб, где он был препровожден в кабинет Григория.

– Рад тебя видеть, – в крайней задумчивости проговорил Григорий. – Садись, начинаем работать. Кофе хочешь? – Он тотчас дал распоряжение Ольге принести два кофе. – Итак, наш неистовый коммунист...

Сначала Максим слушал его с невозмутимым видом, попивая кофе, потом зажегся, стал перебивать, предлагая варианты. На это Григорий и рассчитывал. Через некоторое время разговор добрался до следующего заключения, сделанного Максимом:

– Хорошо, сделаем три листовки. Начнем с той, в которой биография. – Максим глянул на Григория шальными глазами. – У тебя есть его биография?

– Нет. Но будет. Сегодня.

Григорий достал телефон, предназначенный исключительно для звонков Кузьмину. Палец коснулся кнопки. Засветился экран. Электромагнитный сигнал полетел туда, куда следует.

– Нужна ваша биография. Срочно.

– Я постараюсь, – прозвучало в ответ.

– Не постараюсь, а сделаю. – Григорий придал голосу предельную жесткость. – Садитесь и пишите. Прямо сейчас. Встретимся через полтора часа. Там, где обычно. – Телефон вернулся в карман. – Что еще?

– Буду готовить выпуск «Искры». Газеты настоящих коммунистов-ленинцев. Крутой, резкой, как запах давно не стиранных носков. Вдарю по КПРФ, по Квасову. И еще напишу четыре статьи: две для центральной и две местной прессы. Для начала хватит.

– Ладно, работай. Я на телевидение. Потом к этому фрукту. Вернусь часа через два...

Как приятно было слышать то, что говорила Валентина. Только Анатолий Николаевич сомневался в ее искренности – щадит его, искажает истину.

– Скажи честно: я выглядел плохо?

– Вовсе нет, – вскинулась Валентина. – Солидно. Говорил толково. Ну... волновался. Это было видно. А так... нормально.

Жаль, что он забыл посмотреть выпуск местных новостей. Деньги отвлекли его. Те, которые он получил от Юрия Ивановича. Следовало увидеть самому.

– Значит, выглядел неплохо? – Он пристально смотрел на Валентину.

– Честное слово.

Он не поверил, но не стал спорить с ней.

– Ладно. Иди. Куда ты там хотела?

– В магазин за продуктами.

– Иди. А мне биографию писать надо.

Проводив ее взглядом, Анатолий Николаевич достал чистую бумагу, ручку. Сосредоточился. Что писать? Казалось бы, все ясно, а рука не получала сигналов от головного мозга, покоилась на столе. Родился, учился, женился. Развелся. Что еще? Ах, да! Учился заочно. Все равно получалось не густо...

Биография – не роман, не повесть. В ней не принято писать о многом из того, что было на самом деле. О том, например, что его отца, в ту пору военного, уже через год по-

сле рождения Анатолия Николаевича перевели служить из Челябинска в Гусев, который до мая сорок пятого назывался Гумбинен и был частью Восточной Пруссии. Вот почему название города, значившегося в паспорте как место рождения, не находило в нём никакого отклика: что он мог запомнить за тот первый год своей жизни? Он не знал улиц и домов Челябинска, не имел там друзей; их не связывало общее прошлое. А в городе Гусеве ему жилось привольно – бегал по двору, по окрестностям, шалил. Опасность тайли развалины, которых в округе хватало, несмотря на пятнадцать лет, прошедшие с конца войны. Хотя мать следила за ним, один раз он раздобыл коробку немецких патронов и стал бросать их в костер. Ему нравился тот сухой треск, который они издавали, раскалившись. Но когда пуля ранила соседа в ногу, слава Богу, не сильно, отец немедленно конфисковал опасную находку. Анатолию Николаевичу помнилась та счастливая жизнь, которая текла в служебной квартире на последнем третьем этаже добротного кирпичного дома с черепичной крышей, построенного немцами еще в довоенное время. Отец, которого привозил с работы военный «Виллис», поджидавшая отца мать. Иногда отец брал его в часть. Анатолию Николаевичу помнились казармы, полные солдат, большой плац, бесконечные склады с машинами и пушками. Помнился веселый ординарец отца, рассказывавший всякие истории. Помнились поездки в лес, когда наступало теплое время года.

Потом отца демобилизовали, скоропалительно, без выслуги – Хрущев решительно сокращал армию. Это было крушением. Отец запил. Опынев, ругал последними словами «лысого засранца», хвалил Сталина. Устраивал скандалы, шумел. Так не могло продолжаться бесконечно. Родители развелись. Анатолий Николаевич поехал с матерью в Тамбов, к ее родителям, отец – на свою родину, в тот самый город, в котором теперь жил Анатолий Николаевич.

Была школьная пора, потом – армия. Служить довелось в ГДР, в Группе советских войск. Когда их изредка отпускали в увольнительную, в Лейпциг, они пытались ухаживать за молоденьким немками, впрочем, без особого успеха. В промежутках он успел заметить, что немецкий социализм успешнее советского: ухоженные дома, чистые улицы, в магазинах полно товаров и продуктов. Но тогда он даже не задумался, в чем причина таких отличий?

После армии он поехал к отцу – тот звал его к себе. Пробовал поступить в местный политехнический институт, но завалил экзамены. Все знания подрастерял в Германии. Устроился работать на один из многих заводов, которые были в этом городе. Потом отец умер. Вскоре после этого Анатолий Николаевич женился. На Елене. А через три месяца состоялось радостное событие – родился Николаша.

Много всего было. Но это не для биографии. Это не для других. Николаше он мог рассказать подробности того, что происходило с ним за долгие годы его существования. Ва-

лентине – мог. Но не посторонним людям.

Он приступил к составлению перечня важных событий своей жизни, потребного для официального использования. Фразы получались корявые. Говорить он был мастак, писать – нет. Анатолий Николаевич отбрасывал испорченные листы, начинал заново. Досада владела им. Времени оставалось немного.

Кое-как он выдал из себя текст. Бросился на улицу. К «Макдональдсу» прибыл вовремя. Накрытый сереньким небосводом, смотрел по сторонам в ожидании Юрия Ивановича, судя по всему, дошлого человека. «Надо было вытребовать двенадцать тысяч, – с досадой думал Анатолий Николаевич. – Проявить твердость и вытребовать. Для тех, кто хочет, чтобы я помешал Квасову, такие деньги – пустяк. А я вон как мучаюсь».

Две хорошенькие девицы прошли в «Макдональдс». Анатолий Николаевич проводил их спокойными глазами. Он не ощущал себя старым, но эти девушки были слишком молоды для него. То ли дело Валентина – женщина в соку и с пониманием жизни.

Григорий опоздал. Задержался на телевидении. Видеоролики не понравились ему. Пришлось напрягаться, предлагать другие сюжеты.

– Простите, дела, – сухо проговорил он. – Принесли?

– Вот. – Анатолий Николаевич протянул сложенный вдвое листок.

Григорий, развернув бумагу, состроил недовольную физиономию.

– Не могли набрать на компьютере?

– У меня нет компьютера.

– Господи. Двадцать первый век... На машинке бы напечатали.

– Где я ее возьму?.. Разобрать можно. Почерк у меня хороший.

– Что с доверенными лицами?

– Список подготовил. Завтра иду в комиссию.

– Не затягивайте. И вот что. В этом округе почти половина избирателей живет на селе. Где-то около двухсот тысяч. Они традиционно голосуют за коммунистов. Это – ваши избиратели. Готовьтесь ездить по районным центрам, по селам. Пахать с утра до вечера. Ищите водителя с машиной, который вас будет возить. Всё. Нет больше времени. Спешу. До свидания.

Он вернулся в пространство автомобиля. Бросил:

– В штаб.

Прерванное движение возобновилось. Григорий лениво смотрел на окружающие здания. «Убожество. Как можно тут жить?» – в очередной раз спрашивал он себя. Он был не в духе.

Максим схватил бумагу, вобрал жадными глазами текст, написанный Анатолием Николаевичем, изобразил на своем лице нечто недовольное.

– Скучно. Примитивно. Нет чего-то теплого, вызывающего добрые чувства. Скажем, рано потерял отца, вынужден был кормить семью. Или был ранен в Чечне, когда спасал командира.

– Какая Чечня? Побойся бога. При его возрасте он мог быть ранен только в Афганистане.

– Пусть. Афганец – тоже неплохо. Напишем: был ранен в Афганистане, спасая командира.

– Не надо. Местные афганцы поднимут шум. Скажут – самозванец.

– И пусть. Нам нужен скандал. Они доказывают, что он там не был, мы – что был и показал себя героем.

– Нет. Наша интрига в другом. Он нападает на Квасова, на Зюганова, на здешних коммунистических боссов. Он – обличитель зла. Олицетворение совести. Он в белых одеждах. Святой.

Максим выпустил на лицо сдержанную ухмылку:

– Ты – поэт изнуряющей предвыборной прозы.

– Поэт, – с легкостью согласился Григорий. – Я кое-что придумал и помимо проекта с Кузьминым. Например, туалетную бумагу с портретом Квасова и пожеланием: «Иди в зад!» Или презерватив. Наденешь его, и раскроется надпись: «Засунь туда, где место Квасову». Как тебе?

– Нравится. – Максим смеялся так, будто у него не было никаких забот.

Оставив его, Григорий направился на третий этаж в со-

лидное помещение. Там ждали его появления. Начался очередной важный разговор. Григорий как всегда чувствовал себя уверенно. Ему было, что рассказать, чем отчитаться. Свежая информация растеклась по головам. Прозвучали вопросы и ответы. Следом виски залезло в стаканы, чтобы тут же омыть глотки, порадовать душу.

Вернувшись, Григорий собрал тех, кто наполнял штаб, кто воплощал в жизнь его замыслы. В субботу предстояла учеба начальников районных штабов. Он хотел проверить готовность команды.

Команда не подкачала. Теперь следовало расслабиться. Григорий подхватил Максима, сделал остановку рядом с Ольгой.

– Поехали, поужинаем, выпьем.

– Не надо, Григорий Матвеевич.

– Надо. Поехали. Негоже нам с Максимом в мужской компании время коротать.

Вздыхнув, Ольга начала собираться.

Ресторан впустил их в свое уютное пространство, усадил за стол, пригнал официантку. Их пожелания были зафиксированы и унесены.

– Всё идет нормально, – сообщил Григорий, глядя на Максима. – Сейчас мы вторые, но разрыв снижается. Думаю, что специальные меры, которыми занимаемся мы с тобой, дадут результат. – Он говорил околичностями, поскольку не хотел открывать Ольге тайну существования проекта «КОК». – Хорошая пора – выборы. Весенняя, когда бы они не проходили. Зимой или осенью.

– Почему весенняя? – проявила интерес Ольга.

Григорий довольно улыбнулся – он ждал этого вопроса, рассчитывал на него.

– Потому что зелени много.

Ольга тихо усмехнулась. Поняла – речь о долларах.

– Как там, в Москве? – обратился Григорий к Максиму. –

Приближение выборов ощущается?

– Еще как. Вовсю полезла грязь. Потом ее больше станет. В партии власти грызня. Те, кого отодвинули, кто теряет, пытаются отвоевать позиции. Правые тоже грызутся. В общем, весело.

– Ты что-нибудь делаешь?

– Сдал один материал. Должен выйти, пока я здесь.

– И что, горячий материал?

Максим состроил нечто загадочное на лице:

– Бомба. Небольшая, но... бомба.

Их пожелания официантке вернулись в овеществленном виде, с приятным запахом, вкусом. Французское вино стало хорошим дополнением.

– В жизни должны быть положительные эмоции. – Григорий показал на стол. – Это не Москва, но можно получить удовольствие.

– В конце концов, человек порождает удовольствия, а не наоборот, – подхватил Максим. – Было бы желание и деньги.

– Не скажи. В каком-нибудь Мухосранске ты и за деньги не найдешь удовольствий.

– Ты не прав. Найдешь. Просто это будут другие удовольствия, чем в Москве или здесь. Так ведь, Оля?

Максим явно заигрывал с Ольгой, посматривал на нее жадными глазами. Григорий был спокоен – ни черта у него не получится. Занято.

Когда всё было съедено, выпито, и за все было заплачено Григорием, они вновь очутились там, где царствовала погода, мало-помалу готовившая приход зимы. Промозглый осенний холод набрасывался на прохожих, студил здания, робко стоявшие по обе стороны улицы. Григорий и его товарищи юркнули в машину, спрятались от злого ветра, от холода, отгородились металлом и стеклами.

Сначала завезли Максима в гостиницу. Выходя, он тоск-

ливо поглядел на Ольгу. Вслед за тем состоялось перемещение к зданию, в котором Григорий снимал квартиру. Ольга порывалась ехать домой, Григорий не позволил.

Поднялись на третий этаж, проникли в пространство квартиры.

– Звони маме. Скажи, что ночуешь у подруги.

– Не люблю, когда за меня решают.

– Тогда сообщи ей, что проведешь ночь со мной.

Вызов бился в ее голубых глазах. Но она промолчала. Потом был звонок маме, слова про подругу. Потом – секс. Он чувствовал: что-то сдерживает ее, не позволяет полностью отдаться потребности. Но это не мешало. Он получил то, что хотел получить.

Суббота собрала в штабе команду Анатолия Николаевича. Вокруг стола заняли места Валентина, Сергей, Николаша, Егор – смысленый парень из подчиненных Кузьмина. Сам он возглавлял совещание.

– Мы должны работать прежде всего на селе, – важным голосом говорил он. – В районных центрах. Встречаться с людьми. Объяснять нашу позицию. В чем она? В том, что КПРФ потеряла инициативу, тянется в хвосте событий. Фактически потворствует антинародному режиму. С этим нельзя мириться. Есть еще одна проблема, гораздо более серьезная. Это моральный облик руководителей КПРФ. Многие из них давно превратились в капиталистов, их дети, родственники владеют банками, фирмами. Как после этого они могут считать себя защитниками трудящихся? Какое у них моральное право состоять в КПРФ? Взять того же Квасова. Его сын – вице-президент банка. А сам он? За какие деньги отгрохал громадный коттедж? Да еще с озером. – Анатолий Николаевич протяжно вздохнул. Честно говоря, от озера он бы сам не отказался. И от коттеджа. Но ему хватило бы небольшого дома. Своего. – Кстати, нужен водитель с машиной. Чтобы ездить по районам. Предстоит много поездок. Где взять водителя?

Сергей глянул на него жуликоватыми глазами.

– Тебя это... отечественная машина устроит?

– Шутишь? Почему не устроит?

– Ты у нас кандидат.

– Да ну тебя, – укорил друга Анатолий Николаевич. – Что мне теперь, только на иномарках ездить?

– Ладно. Поговорю с соседом. У него «Жигули». Шестерка.

– Сегодня же поговори.

– Как приду домой, сразу к нему, – заверил его Сергей.

Минуту спустя Анатолий Николаевич был вызван к «Макдональдсу». По этой причине покинул помещение, подставил свою персону легким атмосферным осадкам, промозглости.

Юрий Иванович появился в назначенный срок. Внутри, туда, где обитала соблазнительная американская пища, Анатолия Николаевича не позвал. Усадил в машину. Сунул в руки несколько бумаг.

– Вот макет листовки. Первой из трех, которые мы выпустим. Поедете по этому адресу. Там отыщите Михаила Иосифовича. Он сейчас на работе. Договоритесь с ним сделать пятьдесят тысяч экземпляров. Из них пять тысяч оформите официально, через расчетный счет, кассу, как положено. А за сорок пять тысяч заплатите налом. – Тут Юрий Иванович с подозрением глянул на него. – Деньги еще не пропилили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.